

N 85

688

лекция о Л. Н. Толстом
К. И. Арадажика.

Народный

Университетъ.

Лекции читанныя профес. и лекторами Об-ва
Народныхъ университетовъ.

Подъ редакціей

К. И. Арадажика.

Въ Доме-музееѣ имени
Л. Н. Толстого

отъ К. И. Арадажика.

29.9.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

„Народный Университетъ“, печатаемый въ журнale „Ясная Поляна“ за предстоящей подписной годъ, представить собой 24 выпуска, посвященные лекціямъ по русской литературѣ, преимущественно XIX столѣтія. Лекціи эти были своевременно читаны въ Народныхъ университетахъ С.-Петербурга и частю другихъ городахъ, откуда и название выпусксовъ „Народный университетъ“.

Цѣль лекцій дать популярное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго научное изображеніе главныхъ моментовъ въ исторіи новѣйшей русской литературы въ лицахъ ея видныхъ представителей. Такимъ образомъ, задача—сблизить науку и жизнь.

Давно миновало то время, когда ученость величаво укутывалась въ тогу академической недоступности и раскрывала свой угрюмый ликъ только посвященнымъ и дипломированнымъ представителямъ зажиточного и привилегированного класса,—людямъ, снабженнымъ надлежащими дипломами и патентами.

Дипломированная ученость теперь разоблачена. Съ нея снять ореолъ недоступности. Демократическій духъ времени коснулся и академическихъ твердынь; жажда знанія охватила низшіе классы населенія, и лучшіе представители науки идутъ навстрѣчу этой жаждѣ, этой горячей потребности самообразованія, тѣмъ болѣе цѣнной и трогательной, что она не вызвана корыстными цѣлями получения диплома, а вмѣстѣ съ нимъ и выгоднаго привилегированного положенія.

Въ настоящее время, что-бы быть знающимъ и образованнымъ человѣкомъ, вовсе не требуется прохожденіе официальныхъ среднихъ и высшихъ школъ, поставленныхъ къ тому же такъ плохо, что большая часть отдаваемаго имъ времени пропадаетъ безцѣльно и бесполезно для учащагося. Съ гораздо большей пользой и въ болѣе короткое время можно приобрѣсти тѣ же знанія и даже болѣе систематично—путемъ самообразованія, чтенія и посѣщенія вольныхъ школъ и народныхъ университетовъ.

Совершенный предразсудокъ—взглядъ, что высшее знаніе доступно только избраннымъ и предполагаетъ долгій путь школьнай дисциплины и муштры. Быть можетъ это и справедливо до извѣстной степени въ отношеніи къ специальному и техническому знанію, но, по отношенію къ задачамъ общеобразовательнымъ—наука во всѣхъ своихъ выводахъ доступна каждому,—людямъ всѣхъ слоевъ населенія.

Собственно говоря, разница между знатной дамой,—пишетъ основатель первого народного университета въ Спб.,—и начитаннымъ приказчикомъ, окончившимъ городскую школу, вовсе уже не такъ велика, какъ это можетъ показаться съ первого взгляда; точно также только самодовольство дипломированного „интеллигента“ позволяетъ ему думать, что въ качествѣ врача, инженера, архитектора онъ способенъ постигать общеобразовательные идеи лучше и полно, чѣмъ лицо, окончившее среднюю школу или даже не окончившее ее, за то имѣющее извѣстный жизненный опытъ. Право, не требуется диплома, что-бы понять силлогизмъ: „всѣ люди смертны, ты-человѣкъ“ и т. д. или выяснить себѣ отличіе индукціи отъ дедукціи и понять законъ спроса и предложенія. Освободите науку отъ торжественныхъ контуровъ мудреной терминологіи, учебныхъ фразъ и балласта, и существование каждого предмета дѣлается прозрачнымъ, какъ кристаллъ“. (К. И. Арабажинъ. „Народный университетъ въ С.-Петербургѣ“. Спб. 1908 г.).

Примѣръ первого Народного университета въ С.-Петербургѣ 1898 годъ и дѣятельность нынѣшняго общества народныхъ университетовъ—являющагося естественнымъ продолженіемъ первого, блестяще оправдаль приведенную выше мысль, выдвинувъ и новыя лекторскія силы, которыя своей дѣятельностью вполнѣ доказали доступность строго научныхъ знаній и возможность популяризаций ихъ въ широкихъ кругахъ населеній.

Ближайшее участіе въ „Народный университетъ“ печатаемый въ журнale „Ясная Поляна“ примутъ: К. Арабажинъ, профес. Перецъ, профес. Жаковъ, докторъ филос. Гр. Полонскій и др.

Редакція.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

(Какъ личность, художникъ и мыслитель).

I.

По вѣрному замѣчанію Н. К. Михайловскаго „великіе люди не сваливаются къ намъ съ небесъ, но отъ земли подымаются къ небу“. Горныя вершины не стоять на болотѣ. Очевидно не случайность и появленіе Л. Н. Толстого на русской почвѣ. Оно подготовлено всѣмъ ходомъ русской исторіи и, создавшейся подъ ея вліяніемъ, расовой психологіей. Русскому народу искони присуще правдоискательство. Можетъ быть это просто свойство юности, которая ярче воспринимаетъ всѣ противорѣчія жизни и тѣмъ сильнѣе ищетъ правды. Еще В. С. Соловьевъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что изъ массы произведений церковной византійской литературы, нахлынувшихъ къ намъ вмѣстѣ съ принятиемъ христианства, русскій человѣкъ выбиралъ себѣ по преимуществу тѣ, которыя трактовали вопросы морали и гораздо меньше интересовался эсхатологическими и догматическими вопросами. Въ народной поэзіи тоже любимые герои Илья Муромецъ, который не мыслить зломъ и на татарина, всегда глубоко правдивъ, и Иванушка-дурачекъ, который глупъ не болѣе, чѣмъ Чацкій сумасшедшій, но за то онъ не отъ мѣра сего, чуждъ практическихъ расчетовъ и обмана.

Если съ одной стороны Толстого подготавляла народная психика, то съ другой онъ явился блестящимъ завершеніемъ расцвѣта русской литературы—эпохи Пушкина, Герцена, Тургенева, Достоевскаго.

Въ русскую литературу шли по закону движенія въ сторону наименьшаго сопротивленія лучшія силы русскаго общества, энергіи и таланту которыхъ не было выхода въ общественной и государственной дѣятельности. Все лучшее въ Россіи устремлялось въ литературу. Въ результатѣ небывалый раззвѣтъ ея и на вершинѣ его—могучая фигура Л. Н. Толстого, огромнаго художника и неутомимаго правдоискателя. Толстого сравниваютъ съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Это сравненіе не вполнѣ вѣрно. Гомеръ пластичнѣе. Онъ сливается съ тѣмъ міромъ, который изображаетъ до полной

неотдѣлимости отъ него. Шекспиръ вполнѣ отдѣлимъ отъ своихъ героевъ и вполнѣ заслоняется ими. Мы можемъ не знать, кто былъ Шекспиръ и жить въ мірѣ его созданій. Это самый объективный изъ эпическихъ писателей. Толстой—самый субъективный. Толстой неотдѣлимъ отъ К. Левина, Иртеньева, Неклюдова („Утро помѣщика“); въ его творчествѣ всегда силенъ, а часто преобладаетъ элементъ автобіографической. Въ могутъ анализѣ Толстого этотъ субъективный, автобіографический элементъ — самая сильная сторона его творчества и одинъ изъ главныхъ источниковъ глубины его анализа. Толстой великъ въ творчествѣ образовъ, близкихъ его душѣ, родственныхъ ему. Чужихъ ему онъ не любить и не всегда понимаетъ. Толстой не понимаетъ Шекспира и потому отвергаетъ его. Шекспиръ понять бы Толстого и оцѣнилъ бы его.

Это не мѣшаетъ быть Толстому одному изъ лучшихъ аналитиковъ и знатоковъ человѣческой души, и даже животныхъ. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ, гуляя въ полѣ съ Тургеневымъ, Толстой принялъ въ серьезъ шутливое предложеніе Тургенева и сталъ анализировать настроеніе клячи, стоявшей въ полѣ,—да такъ правдиво, что авторъ „Записокъ Охотника“, всегда относившійся съ восхищеніемъ къ таланту Толстого, воскликнулъ не безъ доли досады: „должно быть у васъ, Левъ Николаевичъ, среди вашихъ предковъ была лошадь“.

Существуетъ ложный взглядъ, что Толстой, какъ художникъ, и какъ моралистъ — два разныхъ человѣка, и что въ жизни нашего писателя былъ какой то огромный переломъ. Это не совсѣмъ такъ. Толстой, какъ личность, неотдѣлимъ отъ художника и моралиста, и вся жизнь Толстого—рядъисканій и переломовъ, группирующихъ однако около единаго основанія—одного огромнаго психического центра—личности писателя. Толстой это вполнѣ воплощеніе духовнаго, нравственнаго и физическаго здоровья. Это могучій дубъ, корни котораго глубоко вросли въ почву, а стволъ, непрерывно развиваясь изъ одного основанія, получилъ гигантскіе размѣры и рѣдкую мощь.

Вся жизнь Толстого, его художественное творчество, его проповѣдническая дѣятельность — одно замкнутое цѣлое, одна непрерывно-развивающаяся цѣль настроений, переживаний и взглядовъ.

Уже въ полуторагодоваломъ ребенкѣ намѣчается будущій геній. Толстой лежитъ въ пеленкахъ. Они связываютъ его движенія и непріятны ему. „Окружающимъ кажется, что это нужно, тогда какъ я, вспоминаетъ Толстой, знаю, ¹⁾ что это не нужно, и хочу доказать это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ... Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я—кому она нужна,— слабъ, а они сильны“.

¹⁾ Курсивъ всюду пашъ. К. А.

Какой символический образъ гиганта, который, какъ вѣ-
сказкѣ, сразу возговорилъ голосомъ человѣческимъ и сразу
же сталъ выпутываться и баражаться! И вся жизнь писа-
теля—рядъ усилий освободиться отъ путъ традицій, пред-
разсудковъ и суетѣй,—классовыхъ, религіозныхъ, обществен-
ныхъ, наслѣдственныхъ.

Какъ Гомеръ, и Толстой, прежде всего писатель, плотью
и кровью связанный съ той средой, которую онъ изобра-
жаетъ, и изъ которой самъ вышелъ; но личность автора ни
на минуту не исчезаетъ у Толстого и отношение его къ ге-
роямъ вполнѣ самостоятельное и часто очень критическое.
Писатель силился высвободиться изъ подъ власти традицій
и въ этомъ его огромная заслуга, и съ этой стороны усиленія
писателя представляютъ цѣннѣйший материаль для наблюдe-
ній за ростомъ и постепеннымъ освобожденіемъ личности.

Обыкновенно принято считать, что въ дѣятельности Тол-
стого было два опредѣленныхъ періода,—одинъ до перелома,
изображенного въ „Исповѣди“, другой послѣ перелома.

Но это утвержденіе основано на слишкомъ довѣрчивомъ
и не критическомъ отношеніи къ личнымъ признаніямъ са-
мого Толстого.

Его „Исповѣдь“, какъ и всякий автобіографический источ-
никъ, имѣющій всегда и публицистическая цѣль, написана
односторонне и представляетъ дѣло не такъ, какъ оно было
на самомъ дѣлѣ, а подъ угломъ переживаемыхъ авторомъ
настроеній опредѣленного момента его жизни. Въ дѣйстви-
тельности и до „перелома“, и послѣ него Л. Н. Толстой—это
рядъ исканій, рядъ противорѣчій, которыхъ при всемъ своемъ
многоразличіи имѣютъ одинъ и тотъ же психической и эти-
ческій центръ.

Уже въ дѣствѣ намѣчаются условія, которыя должны
создать писателя съ вдумчивымъ, аналитическимъ умомъ,
склоннымъ къ морализованію.

Некрасивый, несвѣтскій, неловкій, рано потерявшій мать
и отца, немного одинокій въ своемъ сиротствѣ, Толстой рано
проникается жаждой самоулучшенія и самосовершенствова-
нія, рано обнаруживаетъ склонность къ размыщленію, нѣко-
торую подозрительность и мнительность. Настроенія Иртень-
ева всецѣло могутъ быть отнесены къ Толстому—„на меня
часто, пишетъ онъ, находили минуты отчаянія. Я воображалъ,
что нѣтъ счастья на землѣ съ такимъ широкимъ носомъ,
толстыми губами и съренѣкими маленькими глазками, какъ я.
Я просилъ Бога сдѣлать чудо—превратить меня въ кра-
савца... и все готовъ былъ бы отдать я за красивое лицо“.

Неудачная мазурка приводитъ Толстого въ самое мрачное
настроеніе: „всѣ презираютъ меня и всегда будуть прези-
тратъ,—мнѣ закрыта дорога ко всему: къ дружбѣ, къ любви,
почестямъ,—все пропало“!

Неудачи и маленькая дѣтская огорченія усиливаютъ самоана-
лизъ часто беспощадный, проникающій во всѣ тайные мо-

тивы и настроения, казнящий даже случайные мысли, скользнувшія по поверхности души.

Очень рано сказывается склонность къ философскимъ размышленіямъ и въ связи съ ними—прямолинейная потребность сильной и здоровой души—реализовать выводы, осуществляя ихъ немедленно въ жизни. Толстой приходитъ къ мысли, что счастье обеспечивается умѣніемъ переносить страданія—и вотъ онъ уже терзаетъ себя по цѣлымъ часамъ, выдерживая на рукахъ до полнаго изнеможенія огромные фоліанты отцовской библіотеки. Черезъ нѣкоторое время онъ приходитъ къ новому выводу: жизнь коротка, она заканчивается смертью, поэтому нужно торопиться наслаждаться настоящимъ, и молодой философъ отшвыриваетъ учебники въ сторону и три дня валяется на диванѣ, читая романъ и поѣдая карамельки. То вдругъ ему приходитъ въ голову чисто шеллингіанская мысль, что предметы существуютъ только, какъ наше къ нимъ отношеніе, и юный философъ торопится такъ быстро оглянуться назадъ, что бы захватить пустоту до нашего къ ней отношенія¹⁾. Очень рано обнаруживается Толстой и нѣкоторая странность. Не даромъ Брандесъ называлъ его немного страннымъ человѣкомъ. Такъ напр. по рассказу одной изъ тетушекъ Толстого, онъ рѣшилъ, что кланяться слѣдуетъ наоборотъ, не такъ, какъ все и вотъ въ одинъ прекрасный день появляется онъ въ гостиную задомъ на передъ и кланяется, откидывая голову къ затылку...

Бѣриль ли Толстой въ юности?—повидимому, не болѣе, чѣмъ все дѣти нашей интеллигентной среды; то есть скорѣе довѣрялъ привычкамъ и традиціямъ среды, не придавая имъ серьезнаго значенія. Такая вѣра не крѣпко держалась въ дѣтской душѣ и при первомъ напорѣ скептицизма развѣивалась. Когда Толстому было немного болѣе 10 лѣтъ (1838), изъ гимназіи пришелъ Володя Милютинъ и сообщилъ о важномъ открытии; открытие состояло въ томъ, что Бога нѣтъ, и все чѣму насыть учать—однѣ выдумки. „Помню, пишетъ Толстой, какъ старшіе братья заинтересовались этой новостью и мы все, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе, какъ что то очень занимательное и возможное“.

Это не мѣшало, конечно, дѣтской душѣ жаждать иной вѣры и любви.

Въ „Отрочество“ мы видимъ, какъ этотъ дѣтскій идеализмъ превращается у Иртеньева подъ вліяніемъ Неклюдова „въ восторженное обожаніе добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда исправлять все человѣчество, уничтожать все пороки и несчастія людскіе казалось удобоисполнимой вещью,—очень легко казалось и просто исправить самою себѣ, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ“.

¹⁾ П. Н. Бирюковъ. Біографія т. I. стр. 108 и др.

Будущій реформаторъ моралистъ намѣчался уже въ этихъ строкахъ, въ юношеские годы Толстого. Вѣдь приведенные выше строки, хотя въ нихъ и звучитъ легкій отзвукъ ироніи,—выражаютъ ту самую увѣренность Толстого, по которой и черезъ 65 лѣтъ онъ доказывалъ, что стбить только понять въ чемъ зло, гдѣ порокъ, а въ чемъ смысль жизни, чтобы легко отрѣшиться отъ всего сквернаго и найти внутри себя царство Божіе.

Эта жажда усовершенствованія привела Иртеневу и Неклюдова къ очень странному и вредному приему—повѣрянія другъ другу самыхъ затаенныхъ мыслей, всего гадкаго, что закопошилось въ душѣ, приемъ нравственнаго усовершенствованія чисто іезуитскій и, вѣроятно, заимствованный у губернеровъ—французовъ, воспитанныхъ въ іезуитскихъ школахъ.

И вотъ то время, когда молодежь обыкновенно занимается общественнымъ идеализмомъ и строить свои планы лучшаго устройства государства и общества,—Толстой занимался личной моралью, смѣшивая, впрочемъ, моральное самоусовершенствованіе съ усовершенствованіемъ себя вообще во всѣхъ отношеніяхъ,—физическомъ, умственномъ, свѣтскомъ и т. д.

II.

Въ жизни Толстого было нѣсколько неблагопріятныхъ моментовъ. Къ числу такихъ нужно отнести поступление Толстого въ Казанскій университетъ. Въ то время, какъ вся литературная жизнь сосредоточилась въ московскихъ кружкахъ западниковъ и славянофиловъ, и имена Герцена, Бѣлинского, Хомякова, Аксакова повторялись съ восхищеніемъ и благоговѣніемъ во всѣхъ молодыхъ кружкахъ, Толстой попадаетъ въ захолустный университетъ, надъ которымъ витала еще зловѣщая тѣнь Магницкаго,—университетъ разгромленный, трепещущій и бездарный.

Толстому было 15 лѣтъ, когда онъ выдержалъ вступительный экзаменъ и по протекціи былъ принятъ въ университетъ; (1843 г.), знанія его были очень жалки. Онъ самъ впослѣдствіи на доставленной ему вѣдомости его отѣвѣтовъ сдѣлалъ полныя юмора признанія. По исторіи общей и русской—единица. И Толстой пишетъ сбоку: „ничего не зналъ!“. По статистикѣ и географіи тоже единица. И примѣчаніе Толстого гласитъ: „зналъ еще меньше“. Не даль юношѣ ровно ничего и Казанскій университетъ, о профессорахъ которого столько анекдотического рассказывается въ своей исторіи Казанскаго университета профес. Загоскинъ. Это было нѣчто не вообразимое! Вотъ профессоръ Камбекъ, который не читаетъ, а диктуетъ: „Римское право“! Р—большое, П—большое, — пункты! И студенты записываютъ за нимъ такія изреченія: „Рим-

ляне имѣли своего орхіерея, которого называли верховный жеребецъ".

Вотъ профессоръ Гельмуръ Винтеръ, который уже недовольствуясь рѣчью изображаетъ ртомъ канонаду при вступлении союзныхъ войскъ въ Парижъ въ 1813 году.

Вотъ преподаватель уголовнаго права профессоръ Густавъ Фогель, въ угоду старому приказному строю, громящій судь присяжныхъ слѣдующими неотразимыми фактическими доказательствами: „однажды гдѣ-то, когда-то, какая-то дѣвушка совершила какое-то преступленіе и присяжные оправдали ее!"

Учиться у такихъ господъ было нечemu, не стоило. И Толстой, сидя въ карцерѣ, которымъ встарину поощрялось прилежаніе и усердное посѣщеніе университета, разражается горячей тирадой противъ университетской „науки": „Исторія... собраніе басенъ... что вынесемъ мы изъ университета? Помдумайте и отвѣчайте, допрашивается онъ товарища по заключенію. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во свояси въ деревню, на что будемъ пригодны? Кому нужны?". Быть можетъ именно въ эти годы зародилось въ немъ болѣе ярко сказавшееся впослѣдствіи отвращеніе къ „научной наукѣ" и ученымъ педантамъ.

Первая самостоятельно продѣланная работа — сличеніе „*Esprit de lois*" Монтескье съ „Наказомъ" Импер. Екатерины окончательно убѣдила его въ безплодности университета и послѣ неудачного экзамена онъ его покидаетъ.

Къ сожалѣнію за время пребыванія въ университетѣ Толстой не использовалъ другого источника образованія — общества развитыхъ товарищѣй. Подобно Лермонтову, Толстой замкнулся въ узкомъ кружкѣ товарищѣй аристократовъ и свѣтскихъ гостиныхъ. Онъ не прочь былъ помечтать вмѣстѣ со своей тетушкой о флигель-адъютантскихъ эполетахъ или карьерѣ дипломата. Тетушка мечтала и о выгодной женитьбѣ и твердо была увѣрена, что „ничто такъ не формируетъ молодого человѣка, какъ связь со свѣтской женщиной".

Самъ Толстой былъ твердо проникнутъ принципами *comme il faut*. Они состояли въ четырехъ заповѣдяхъ: 1) умѣньѣ чистить ногти и носить особаго покрова панталоны въ соответствии съ особой формой сапога, 2) въ умѣньѣ кланяться, танцевать, разговаривать „непринужденно", 3) въ совершенномъ произношеніи по французски и 4) — самое важное въ особомъ тонѣ равнодушія и презрѣнія ко всему и всѣмъ.

Людей Толстой дѣлилъ на три группы, изъ коихъ первая — люди *comme il faut*, вторая — люди не *comme il faut*, которыхъ Толстой прямо ненавидѣлъ и третья — остальной людъ, простой народъ, котораго Толстой просто не замѣчалъ.

Но рядомъ съ этими феодально-аристократическими настроениями въ душѣ Толстого совмѣщались и другія, несомнѣнно навѣянныя чтеніемъ. Въ возрастѣ 14—20 лѣтъ Толстой успѣлъ кое что прочитать. „Огромное" вліяніе имѣли

на него произведенія Руссо, нагорная проповѣдь по евангелію Матея, „очень большое“ — „Записки охотника“ Тургенева, „Антонъ Горемыка“ Григоровича, „Герой нашего времени“ Лермонтова, „Разбойники“ Шиллера („очень большое впечатлѣніе!“) и кое что Пушкина.

Выборъ чтенія небольшой, но очень характерный: три мотива будущей философіи: евангелическій, народническій, и анархическій — отражаются въ перечисленныхъ произведеніяхъ. Подъ ихъ вліяніемъ — усиленная жажда совершенствованія, потребность быть всѣми любимымъ, надежда на тщеславное счастье и отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, „слитое съ надеждой на счастье и не заключающее въ себѣ ничего неначинаяго“. Это послѣднее признаніе очень характерно для переживаній Толстого. Въ самобичеваніи и жаждѣ усовершенствованія крылся какой то элементъ удовольствія, особенно барского наслажденія. Мечты о личныхъ подвигахъ и самоусовершенствованіи соединялись съ наивными планами помѣщица благодѣтельствовать своихъ крестьянъ. „Не моя ли священная и прямая обязанность, писать онъ своей теткѣ, заботиться о счастьѣ этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣтить Богу“, — мысль очень близкая автору знаменитой „Переписки съ друзьями“.

Оставляя университетъ (1847) Толстой озабоченъ составленіемъ правилъ поведенія, и за два года жизни въ деревнѣ предполагаетъ совершить массу дѣлъ, осуществить цѣлую программу занятій. Эта программа и наивна, и характерна: тутъ и громадная вѣра въ свои силы и полное незнаніе размѣровъ предполагаемаго труда. Задачи поставлены до смѣшного — огромныя: 1) изучить весь курсъ юридическихъ наукъ, 2) изучить практическую медицину и часть теоретической, 3) изучить языки: французскій, нѣмецкій, русскій, англійскій, итальянскій и латинскій, 4) изучить сельское хозяйство какъ теоретически, такъ и практически, 5) изучить исторію, географію и статистику, 6) изучить математику — гимназическій курсъ, 7) написать диссертацию, 8) достигнуть высшей степени совершенства въ музыкѣ и живописи, 9) написать правила (начало будущихъ моралистическихъ плановъ), 10) получить вѣкоторая познанія въ естественныхъ наукахъ и 11) составить сочиненія изъ всѣхъ предметовъ, которые будутъ изучаться.

Планъ не маленький — на долгую жизнь, а не на два года! Замѣчательно, что къ этому же времени опредѣляется и отношеніе Толстого къ женщинѣ. Въ запискахъ его мы находимъ слѣдующую тираду: „смотри на общество женщинъ, какъ на ту необходимую непріятность жизни общественной и, сколько можно, удаляйся отъ нихъ“.

Отрицательное отношеніе къ женщинѣ проходитъ у Толстого черезъ всю его жизнь. Позднѣе онъ ненавидѣлъ Жоржъ-Зандъ и ея героинь, считая, что ихъ слѣдовало бы предать публичному наказанію. Въ своихъ произведеніяхъ онъ даетъ

намъ отрицательные типы женщинъ въ „Крецеровой со-
натѣ“, во „Власти тьмы“, въ разсужденіи солдата Митрича. Да
и въ романахъ Толстого женщины изображены скорѣе со
стороны физиологической красоты; нравственный міръ ихъ
ничтоженъ. Отъ полового общенія съ ними лучше-бы воздер-
жаться. Женщина причина многихъ нашихъ слабостей, грѣховъ и преступленій. Точка зрѣнія на женщину сильно от-
ражаетъ византійскіе предразсудки „доброй“ старины. Жен-
щину Толстой признаетъ только, какъ мать и помощницу
мужа. Она должна проникаться его взглядами, жить его ин-
тересами. Толстой крайне недоволенъ былъ Чеховымъ, кото-
рый высмѣялъ въ „Душечкѣ“ несамостоятельность женщины,
трижды вышедшей замужъ и всегда смотрѣвшей на всѣ во-
просы жизни глазами своего нового супруга. Такой именно
и должна быть женщина по мнѣнію Толстого.

Занятія философией продолжаютъ привлекать Толстого.
Восемнадцати лѣтъ онъ уже опредѣляетъ философию, какъ
науку жизни.

Изъ сказанного ясно, что всѣ элементы будущаго Толстого
мыслителя были уже на лицо въ 17—20-лѣтнемъ юношѣ.

III.

Наступавшее десятилѣтіе жизни Толстого было самыемъ
бурнымъ для него періодомъ, временемъ исканій, порывовъ,
кутежей, военной службы, подвиговъ и тщеславія, первыхъ
литературныхъ успѣховъ и литературныхъ распрай, поездокъ
заграницу и первыхъ впечатлѣній отъ западной цивилизациі,
общественныхъ и педагогическихъ начинаній и разочарованій.
Но и въ это бурное и обильное впечатлѣніями время, о ко-
торомъ съ преувеличениемъ отвращеніемъ вспоминаетъ Тол-
стой въ „Исповѣди“ — развивались все тѣ-же исконныя чер-
ты — религіозно-моралистического исканія. Толстой былъ все
тотъ-же, вѣрный себѣ во всѣхъ своихъ порывахъ, исканіяхъ,
противорѣчіяхъ, увлеченіяхъ.

Сначала Толстой увлекается барской филантропіей.
Нечего, конечно, говорить, что 19-ти лѣтній благотворитель
только все путаетъ и мѣшаетъ мужикамъ. Не безъ доли само-
бичеванія изображаетъ онъ всѣ свои наивные опыты и неудачи
по части облагодѣтельствованія крестьянъ въ разсказѣ „Утро
помѣщика“. Начинаются кутежи, разгуль, не переходившія
однако границъ обычнаго кипѣнія юношеской крови. Толстой,
конечно, преувеличиваетъ въ „Исповѣди“ свою грѣховность. Но
и тогда въ разгарѣ кутежей и разгула, нашедшихъ отчасти
отраженіе въ „Запискахъ маркера“, Толстой не перестаетъ
томиться мучительнымъ сознаніемъ пустоты жизни.

Въ 1851-мъ году Толстой, послѣ одного проигрыша въ
карты, переѣзжаетъ на Кавказъ. Край могучей красоты ока-

залъ цѣлительное вліяніе на Толстого, пробудиль его творческія силы. Пребываніе на Кавказѣ богато многими эпизодами. Тутъ и боевые схватки и увлеченіе казачкой и преклоненіе передъ сѣрымъ героизмомъ скромнаго солдата—простолюдина, которое содѣйствовало измѣненію взглядовъ Толстого на простой народъ; тутъ и тщеславныя, но не оправдавшіяся мечты объ орденѣ Георгія. Тутъ въ 1852-мъ году, желая заработать деньги, Толстой пишетъ „Дѣтство и отрочество“ и 9-го іюня 1852 г. триумфально вступаетъ на путь непрерывныхъ литературныхъ успѣховъ. Первая повѣсть была встрѣчена общими восторгами и единодушнымъ признаніемъ дарованія со стороны всего литературного міра. Представители четырехъ эстетическихъ школъ—Григорьевъ, Чернышевскій, Дружининъ, Анненковъ горячо привѣтствовали молодое дарование. Некрасовъ предсказалъ молодому автору его литературную будущность. Уже тогда подмѣчена была и основная особенность художественного реализма Толстого, которую кое-кто изъ современныхъ критиковъ принимаютъ за открытую ими Америку. Уже въ „Отечественныхъ запискахъ“ за 1854 годъ отмѣчено, что отличительная особенность творчества Толстого, способность видѣть жизнь глазами его героя,—въ данномъ случаѣ ребенка, и сквозь призму его психологии рисовать и весь окружающій міръ, заставляя и читателя проникаться тѣмъ-же отношеніемъ къ жизни и, въ тоже время, оставаясь строгимъ реалистомъ въ отношеніи мельчайшихъ деталей жизни.

Въ 1853 г. Толстой переѣзжаетъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, принимаетъ участіе въ осадѣ Силистрій въ битвѣ подъ Балаклавой и въ защитѣ Севастополя, оставаясь на знаменитомъ 4-мъ бастіонѣ до августа 1855-го года. Толстой работалъ, какъ рядовой офицеръ, онъ отказался отъ выгоды службы при генеральномъ штабѣ, онъ испыталъ на себѣ всѣ ужасы войны и потому говорилъ о ней впослѣдствіи съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Трудно теперь передать то огромное впечатлѣніе, которое произвели на общество „Севастопольскіе разсказы“. О немъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Кропоткинъ, который былъ тогда 13 лѣтнимъ пажомъ. Передъ нами картины скромнаго величія гибнущихъ на бастіонахъ героеvъ, и рядомъ ярмарка тщеславія, не покидающаго человѣка даже передъ лицомъ смерти, которая всѣхъ равняеть. Психология войны постигнута Толстымъ изумительно; глубоко уразумѣль Толстой и духъ русскаго солдата. Глубокой честностью и правдивостью разсказа вѣтъ отъ этихъ страницъ, посвященныхъ картинамъ севастопольской обороны. Что то таинственное и прекрасное учудилъ Толстой въ этой жизни, полной самоотречения, безъ семьи, безъ личнаго счастья подъ вѣчнымъ дозоромъ ненасытной смерти. Но красота подвига не закрываетъ отъ Толстого ужасной сущности кровавой трагедіи, и онъ спрашиваетъ себя, „неужели мы христіане, неужели

эти люди христіане, исповѣдывающіе одинъ великий законъ любви и самоотверженія,—глядя на то, что они сдѣлали, неужели не упадутъ на колѣна передъ тѣмъ, кто далъ имъ жизнь, любовь къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья".

Рядомъ съ этими серьезными мыслями—тщеславныя мечты о флигель-адъютантскихъ эполетахъ, получить которыхъ не удалось, благодаря солдатской пѣсенкѣ, сочиненной Толстымъ по поводу подвиговъ нашихъ генераловъ подъ Балаклавой и быстро облетѣвшей всю армію. Въ концѣ 1855-го года Толстой уже былъ въ Петербургѣ, навсегда покончивъ со своей военной дѣятельностью. Сравнивая впослѣдствіи два периода своей военной службы, Толстой съ радостью вспоминаетъ кавказскій періодъ своей службы, какъ одинъ изъ лучшихъ періодовъ своей жизни. Пребываніе же въ Петербургѣ Толстой рассматриваетъ, какъ эпоху своего крайняго паденія.

IV.

Пребываніе въ Петербургѣ было второй послѣ Казанского университета неудачей Толстого. Онъ былъ всюду принятъ съ распостертыми объятіями: герой, авторъ чудныхъ разсказовъ, свѣтскій человѣкъ,—передъ нимъ раскрывались двери редакцій и аристократическихъ салоновъ. Толстой предпочелъ эти послѣднія и цѣлыми недѣлями пропадалъ въ гостяхъ у своихъ аристократическихъ тетушекъ и знакомыхъ. Кромѣ того немало увлекался кутежами, цыганами, картами.

Въ литературныхъ кругахъ онъ бывалъ рѣдко и съ писателями не сошелся. Такимъ образомъ Толстой остался въ сторонѣ отъ того освободительного движения, которое вело къ освобожденію крестьянъ и великимъ реформамъ, онъ былъ чуждъ литературнымъ традиціямъ, озареннымъ не умирающимъ духомъ Виссаріона Бѣлинского. Нѣть достаточныхъ данныхъ, что-бы съ увѣренностью сказать, что статьи Бѣлинского были знакомы Толстому. Но Герценъ онъ зналъ и относился къ нему вполнѣ отрицательно. Тогда уже Толстой высказывался и противъ Шекспира, отрицалъ значеніе Пушкина, возмущался Жоржъ-Зандъ. Нельзя не сознаться, что на литературные кружки Толстой долженъ быть производить не особенно выгодное впечатлѣніе. Самоувѣренный, рѣзкій, самобытный, со своими теоріями самосовершенствованія, равнодушный къ освободительному движению, враждебный женской эмансиції, безъ капли пieteta къ великимъ авторитетамъ,—онъ не могъ не вызывать иногда чувство самаго искренняго раздраженія и антипатіи. Тщетно старался практический Некрасовъ примирить всѣхъ сотрудниковъ своего журнала съ Толстымъ. Его столкновенія съ Тургеневымъ подчасъ переходили въ открытую распрю и впослѣдствіи перешли въ

прямую вражду и на многіе годы прервали связь между двумя замѣчательными писателями.

Толстой предпочел дружбу аристократа Фета, знакомство съ Катковымъ — тѣсной связи съ русскими прогрессивными кружками „разночинцевъ“. Были многія причины, по которымъ Толстой остался въ сторонѣ отъ лучшихъ литературныхъ кружковъ и традицій 40-хъ и 50-хъ годовъ. Прежде всего — тотъ осо-бый путь умственного развитія, которымъ шелъ Толстой; во вторыхъ разница лѣтъ: онъ былъ значительно моложе Тур-генева и его друзей; эта вторая причина не мѣшала Тол-стому чувствовать себя въ кружкѣ нашихъ писателей боль-шимъ, чѣмъ они, пессимистомъ. Усталость и мрачный взглядъ на жизнь, какъ результатъ духовнаго переутомленія ряда поколѣній,—лишила Толстого того юношескаго воодушевле-нія, которымъ горѣли сердца нашихъ писателей и обществен-ныхъ дѣятелей 50-хъ годовъ. Цѣлая пропасть отдѣляла пре-сыщенного аристократа, съ безсознательнымъ въ крови лежа-щимъ презрѣніемъ къ людямъ не comme il faut, отъ моло-дой русской интеллигенціи, изъ среды которой уже вышли Рахметовы со своимъ ригоризмомъ и народническимъ под-вигничествомъ. Толстой былъ знакомъ съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, М. Л. Михайловымъ, но они остались чужды его душѣ. Даже Тургеневъ — изящный, образованный, куль-турный баринъ возмущалъ его своими „демократическими ляшками“! Кромѣ того Толстой отличался съ дѣства большой мнительностью и подозрительностью. Эта послѣдняя черта ска-зывается не только въ личной жизни Толстого, но и въ его творчествѣ. У него даже воробей „сдѣлалъ видъ“ что клю-нуль. Подозрительны казались Толстому и убѣжденія рус-скихъ писателей. Онъ имъ не вѣрилъ. „Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: пока я живъ, никто сюда не войдетъ,— вотъ это убѣжденіе, а вы стараетесь другъ отъ друга скрывать свои мысли и называете это убѣжденьями“ — такъ говорилъ Толстой своимъ литературнымъ противни-камъ, и чувствовалъ себя правымъ, забывая, что дѣло писателя — это слово и что даже поэтъ вѣтъ своего призванія „межъ дѣтей ничтожныхъ міра“, быть можетъ, самый ничтож-ный. Какъ известно впослѣдствіи Толстой хотѣлъ встрѣтить жандармовъ на обыскѣ въ его домѣ съ пистолетомъ въ рукѣ. Образованіе Толстого въ эту пору было очень недостаточ-нымъ: за время отъ 20 до 35 лѣтъ Толстой прочелъ „Гер-манъ и Доротея“ Notre Dame de Paris, Тютчева, Кольцова, Фета, „Федонъ“ и „Пиръ“ Платона и поэмы Гомера. Изъ этихъ произведеній стихотворенія нашихъ поэтовъ имѣли на него „большое вліяніе“ а остальные — „очень большое“ ¹⁾). Вотъ и весь литературный багажъ Толстого. Это немного...

Недовольный собой, свѣтскими салонами и литературными кружками, Толстой покидаетъ Петербургъ. Впослѣдствіи онъ

¹⁾ Бирюковъ т. I, стр. 270.

самъ вспоминаетъ объ этомъ періодѣ своей жизни съ чувствомъ величайшаго отвращенія. Люди ему опротивѣли и самъ онъ себѣ опротивѣль. Толстойѣдетъ въ Ясную Поляну (гдѣ продолжаетъ писать), а оттуда дважды выѣзжаетъ за границу (1857 и 1859). Заграницей—рядъ интересныхъ встрѣчъ, посѣщеніе лекцій Драйзена, Дюбуа Реймона, знакомство съ Шульце-Деличетомъ, Дистервегомъ, Ауэрбахомъ, Фрѣбелемъ, изученіе педагогики. Въ общемъ, конечно, ничего систематического и послѣдовательнаго. Черезъ Герцена Толстой сближается съ Прудономъ, и, несомнѣнно, подпадаетъ подъ самое сильное вліяніе его анархическихъ идей, которыя, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали и настроеніямъ Толстого, и его скептицизму къ общественной дѣятельности, и его вѣрѣ въ необходимость личнаго самоусовершенствованія и тѣмъ наслѣдственно приобрѣтенныхъ предразсудкамъ, о которыхъ будеть еще рѣчь ниже.

Пребываніе за границей связано съ двумя крупными для Толстого потрясеніями. Онъ присутствуетъ при смертной казни, и картина этого юридическаго злодѣянія потрясаетъ его до глубины души и заставляетъ его усомниться въ цивилизациі. Существуетъ-ли прогрессъ, если и теперь возможны смертныя казни—вотъ вопросъ, который ставитъ себѣ Толстой и разрѣшаетъ, какъ вѣрный послѣдователь Руссо въ отрицательномъ смыслѣ. Вліяніе Руссо и Прудона—несомнѣнно самая сильная въ духовномъ развитіи писателя. Не даромъ въ 1901 году Толстой писалъ, что онъ перечиталъ всѣ 20 томовъ сочиненій Руссо.

Второе сильное впечатлѣніе этой эпохи—смерть любимаго брата Николая, заставившая его задуматься о смыслѣ жизни и о смерти, опредѣлившая самымъ рѣшительнымъ образомъ весь послѣдующій пятидесятилѣтній путь его жизни.

Толстой задумывается надъ вопросами религіи. Его ясная, чужда всякаго мистицизма мысль ищетъ примиренія религіи съ наукой. Это примиреніе возможно только путемъ отказа отъ всего таинственнаго и чудеснаго въ пользу этическихъ задачъ и цѣлей.

И вотъ въ дневникѣ отъ 5-го марта 1885 года Толстымъ записаны слѣдующія знаменательныя слова:

„Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь, мысль эта—основаніе религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство на землѣ“.

Въ этой записи Толстого—все содержаніе его будущихъ религіозныхъ исканій, весь его евангелическо-христіанскій символъ вѣры. Двадцати семи-лѣтній юноша уже точно и опредѣленно сформировалъ все содержаніе своей будущей проповѣднической дѣятельности послѣднихъ сорока пяти лѣтъ своей жизни. Настолько невѣрны утвержденія самого

Толстого о переломѣ, совершившемся въ немъ въ эпоху написанія „Исповѣди“. Отрывокъ изъ дневника — прекрасное доказательство той мысли, которую мы и отстаиваемъ въ нашемъ очеркѣ, — что проповѣдническая дѣятельность Толстого — явленіе не новое, не плодъ неожиданныхъ переломовъ, а прямое развитіе основныхъ настроеній Толстого, намѣчавшихся еще въ дѣтствѣ и вполнѣ созрѣвшихъ въ 27—28-лѣтнемъ молодомъ человѣкѣ.

„Громадная мысль“ о созданіи новой религіи лежала подъ спудомъ около двадцати лѣтъ, отодвинутая въ глубь сознанія цѣлымъ рядомъ вѣнчанихъ событий въ жизни Толстого. Прежде всего Толстой былъ, наконецъ, захваченъ потокомъ общественныхъ событий. Онъ дѣлается мировымъ посредникомъ, что вызываетъ только конфликты съ помѣщиками, доносы на Толстого и, въ концѣ концовъ, наездъ жандармовъ, которые, въ отсутствіи Толстого, рылись въ его бумагахъ, читали его письма и дневники. Это нарушение неприкосновенности жилища вызвало въ Толстомъ страшное негодованіе противъ администраціи. Въ Толстомъ заговорилъ старый баринъ, аристократъ, къ которому въ былое время исправникъ безъ разрѣшенія не смѣлъ явиться во дворъ...

Для характеристики Толстого болѣе цѣнна дѣятельность его по яснополянской школѣ. Здѣсь, какъ и всегда, Толстой выступаетъ вполнѣ самобытно и вопреки установленвшимся взглядамъ. Онъ оспариваетъ преимущества звукового метода и стоитъ за старый; но еще болѣе оригинально проявляетъ онъ себя въ школѣ, какъ педагогъ-анаѳистъ. Въ противуположность старой бюрократической школѣ, построенной на принципѣ повиновенія, дисциплины и полнаго умерщвленія въ дѣтяхъ самодѣятельности и духомъ свободного развитія способностей, Толстой строитъ школу на принципѣ полной свободы дѣтей и ихъ умственной самодѣятельности. Толстой учитель — не руководитель, а только другъ и совѣтникъ дѣтей. Въ школѣ нѣть обязательныхъ часовъ занятій, нѣть задаванія на домъ, нѣть вообще уроковъ, обязательныхъ предметовъ, нѣть усилий направить дѣтское вниманіе на какую нибудь продолжительную работу. Дѣтская мысль прыгаетъ съ вопроса на вопросъ, а учитель пассивно устремляется за ней по волѣ дѣтей. Въ классѣ полный безпорядокъ. Кто лежитъ на полу, кто сидитъ, кто нависъ надъ плечомъ учителя. Идетъ непринужденная бесѣда... Но вотъ занятія надоѣли, или вдругъ въ дверяхъ появится мальчуганъ и крикнетъ, не обращая никакого вниманія на учителя: „ребята, ай-да въ баню“ и школа вдругъ пустѣеть. Учитель не успѣваетъ даже закончить послѣднюю фразу...

Нечего, конечно, и доказывать, что такая школа, совершенно отрицающая порядокъ, дисциплину воли и мысли, въ концѣ концовъ надлежащей пользы принести не могла-бы. Задача воспитанія и образованія не только приобрѣтеніе знаній, изученіе которыхъ должны быть вполнѣ систематич-

ными, но и воспитаніе мысли, воли, чувства, порядка, воспитаніе извѣстныхъ общественныхъ и соціальныхъ навыковъ, которые не совмѣстимы съ принципами анархизма. Школа Толстого могла держаться нѣкоторое время только благодаря необычайной энергіи ея руководителя, но она осталась скорѣе примѣромъ и образцомъ барской причуды, чѣмъ указаніемъ для истинной постановки дѣла. Многіе принципы Толстого заслуживаютъ полнаго признанія: требованіе Толстого, что бы на дѣтей смотрѣли, какъ на разумныхъ и мыслящихъ существъ, отрицательное отношеніе къ наказаніямъ, защита самодѣятельности—все это оцѣнено современной педагогикой. Послѣдніе десять лѣтъ на эту школу обратили вниманіе западные педагоги ¹⁾, но тѣ начала свободы и самодѣятельности, которыя внесены въ современную „свободную“ школы имѣютъ мало общаго съ анархической школой Толстого. Такая школа не могла долго существовать, не могла оказывать и ту серьезную пользу дѣлу просвѣщенія, которому она обязана была служить. Толстой строилъ ее такой, а не иной по своей потребности въ оригинальномъ. Этой потребностью, и только ей, объясняется и попытка Толстого оспорить выгоды звукового метода преподаванія начальной грамоты, вместо которого Толстой пользовался старымъ буквослагательнымъ способомъ.

Вѣроятно и самъ основатель почувствовалъ безплодность своихъ усилій и ясно-полянская школа какъ то сама собою прекратилась. Толстой объясняетъ это личнымъ разочарованіемъ въ самомъ главномъ: онъ не зналъ, *чему*, въ сущности, слѣдуетъ учить, его біографъ говоритъ, что дѣло было прикончено, потому что всѣ ученики обучились тому, что было нужно или,—словно притокъ дѣтей школьнаго возраста на всегда прекратился... Намъ кажется, что Толстой усталъ отъ своей школы и къ тому-же былъ увлеченъ новыми интересами.

Въ 1862 году 23 сентября состоялась свадьба Толстого съ его неизмѣнной подругой до нашихъ дней С. А. Берсъ. Толстому было тогда 34 года, его невѣстѣ только 18 лѣтъ. Толстой былъ наверху блаженства. Всѣ подробности этой любви изложены съ глубоко-автобіографической вѣрностию въ романѣ Левина и Кити—вплоть до знаменитаго объясненія начальными буквами словъ довольно длинной фразы.

Началась новая жизнь. Семья, многочисленныя дѣти ²⁾, заботы о хозяйствѣ и поправленіи и улучшениіи материальныхъ средствъ—отвлекли Толстого отъ общественныхъ дѣлъ, отъ мыслей о новой религії. Но за то семейное счастье пробудило творчество Толстого. Въ 1867—1869 годахъ онъ написалъ „Войну и миръ“, въ 1873 году „Анну Каренину“.

¹⁾ Кросби. Л. Н. Толстой, какъ школьній учитель.

²⁾ У Толстого 9 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ младшій ^{сынъ} родился въ 1891 году.

V.

Две великосвѣтскія эпопеи, написанныя Толстымъ между 1867—1873 году—самыя крупныя и самыя замѣчательныя произведенія великаго писателя, разобраны уже достаточно подробно и не разъ въ русской критической литературѣ. Останавливаться на высокихъ художественныхъ достоинствахъ этихъ произведеній—это значитъ повторять уже не разъ сказанное. Розановъ въ своей статьѣ о Толстомъ приводить слова одной дѣвушки: какое счастье жить, когда можно читать „Войну и миръ“ Толстого. Восхищаніе, при всей своей наивности, глубоко вѣрное и правдивое. Читать эти романы—большая радость: это все равно, что наслаждаться жизнью, ибо эти романы—сама жизнь... Насъ въ данномъ случаѣ занимаютъ эти произведенія по стольку, по скольку въ нихъ отражается личность Толстого, по скольку въ нихъ намѣщается уже будущій соціальный и религіозный реформаторъ и по скольку можно выяснить почти полное тожество психологіи Толстого, какъ автора этихъ романовъ и, впослѣдствіи, автора религіозной и анархической системы взглядовъ. Въ этомъ смыслѣ романы даютъ цѣнныи матеріяль, передъ нами живая хроника аристократическихъ семей, въ которыхъ выросъ Толстой. Мы знаемъ, что двѣ родовитѣйшихъ русскихъ фамиліи соединились для того, что-бы передать Толстому все свое духовное содержаніе. Съ одной стороны—графы Толстые, съ другой—князья Волконскіе,—рюриковичи. Обѣ эти семьи дали цѣлый рядъ фамильныхъ воспоминаній, этюдовъ и событий, цѣликомъ вошедшихъ, какъ матеріяль, въ созданную Толстымъ грандіозную эпопею. Предки Толстого и ближайшіе родственники типичные аристократы—феодалы *rig sang*. Гордые, надменные и независимые—они косо смотрѣли на ростъ бюрократического централизма и были въ нѣкоторой оппозиції Петербургу. Дѣдъ Толстого, со стороны матери, кн. Волконскій, изображенъ въ „Войнѣ и мирѣ“, въ лицѣ старика Болконского, который половину жизни прожилъ у себя въ деревнѣ, потому что не хотѣлъ жениться на любовнице Потемкина. Онъ такъ и остался въ фрондѣ до самой смерти, презирая даже сановнаго и родовитаго князя Василія за то, что онъ якался съ сильными бюрократами столицы. Отецъ Толстого, изображенный имъ въ молодомъ Ростовѣ, добрый, малый и веселый тоже былъ немногого либералъ и не считалъ возможнымъ служить при Александрѣ I и Николаѣ I. Одинъ изъ Волконскихъ прославился своимъ отвѣтомъ Наполеону I. Другой—извѣстный декабристъ.

Передъ нами старое стильное барство со строго определенными, вполнѣ сложившимися отношеніями: бары и холопы. Бары барствуютъ въ наследственной вотчинѣ, холопы

служатъ и работаютъ. Деревенскій укладъ строго наложеній и въ немъ постороннимъ нѣтъ мѣста. Баринъ, сильный знатностью и связями, не даваль въ обиду чиновникамъ, полиціи своихъ мужиковъ. Онъ самъ посыпалъ ихъ „на конюшню“, подвергая наказанію на тѣлѣ, но это въ счетъ не шло. Мужики не безъ гордости говорили „мы графскіе“ и почесывая наказанныя части тѣла, знали, что за спиной у сильнаго барина, они какъ у Христа за пазухой. Баринъ накажетъ, баринъ и помилуетъ. Всѣ были сыты и болѣе или менѣе довольны. Всякій цѣльный укладъ жизни — стиленъ и въ этомъ его своеобразная красота. Въ старинной барской деревнѣ не чувствовалось государство съ его принудительными формами. Правительство, начальство было что то постороннее, непріятное и ненужное. Чиновничій механизмъ казался чѣмъ то искусственнымъ, условнымъ. Бары чуждались чиновника и презирали его. Служебные интересы карьеры казались чѣмъ то жалкимъ и прозрачнымъ. Въ семье Толстого никогда не бывали чиновники и съ ними не имѣли никакихъ сношеній. Истинная жизнь — только деревенская съ ея радостями и горемъ, трудомъ и весельемъ, и ея тяжелымъ трудомъ, но и хороводами и праздничными днями съ неизбѣжными качелями и угощеніемъ орѣхами и сладкими пряниками. Совершенно правъ профессоръ Овсянниковъ Куликовскій въ своей талантливой и тонкой книжѣ о Толстомъ, что тутъ, въ этой барско-мужицкой средѣ, сложился опредѣленный кодексъ мужицкой и барской морали, разцевѣла своя эстетика, свои духовные запросы. Весь соціальный строй выросъ изъ прочно-сложившихся отношеній барь и рабовъ, имѣль свою логику и психологію, свое пониманіе „правъ человѣка“ по отношенію къ барину и „правъ конюшни“ по отношенію къ рабу. И съ этой именно точки зрѣнія написаны Л. Н. Толстымъ объ его эпопеи. И что еще важнѣе: эта точка зрѣнія, — помимо воли и сознанія Толстого, легла въ его оцѣнку жизни, какъ фундаментъ будущей религіозно-философской и соціальной системы Толстого. Отказавшись отъ привилегій барина, Толстой не могъ побѣдить въ себѣ безсознательныхъ психологическихъ навыковъ аристократической среды, и вотъ почему въ его будущемъ міровоззрѣніи мы не найдемъ ничего выходящаго за предѣлы деревенского, землемѣльческаго горизонта: ни рабочихъ, ни фабрикъ, ни чиновника, ни интеллигента — разночинца, ни торгово-промышленного класса, ни государства со всѣми его органами власти, не могъ и не хотѣлъ признавать независимый и гордый потомокъ феодала, привыкшаго къ полной независимости и свободѣ въ предѣлахъ своей наследственной вотчины. Толстой могъ освободиться яtotъ идеей господства, онъ съ негодованіемъ отвергъ впослѣдствіи все наслѣдіе барства, онъ охотно сталъ за уравненіе и барь, и господъ передъ лицомъ одной морали и одинаково всѣмъ обязательного землемѣльческаго труда, но признать новыя соціальные отношенія, новыя клас-

совыя группировки онъ не могъ: инстинкты барина, психологія настроенія, глубоко корнями вросшія въ подсознательной жизни человѣческой души—мѣшиали ему раздвинуть рамки старого стилянаго, барского уклада въ соотвѣтствіи съ новыми соціально-экономическими отношеніями.

Вотъ почему и въ своемъ романѣ „Война и миръ“ Л. Н. Толстой всюду, во всѣхъ мелочахъ, такъ и въ важномъ отражаетъ міровоззрѣніе *своей* среды.

Перечтите страницы, посвященные изображенію Спешранскаго. Этотъ громаднаго ума государственный дѣятель въ изображеніи Толстого рисуется намъ надутымъ, нѣсколько пошловатымъ бюрократомъ съ изрядной примѣсью духовнаго мѣщанства. Князь Андрей одно время заинтересовался его работой и самъ принялъ въ ней участіе, но очень быстро разочаровался въ ней. Онъ тоже озабоченно возился съ переводомъ на русскій языкъ статей римскаго и французскаго кодекса, но когда онъ вспомнилъ впослѣдствіи объ этой работе, ему стало какъ то совсѣмъ самого себя. Ему живо представилась деревня Богучарово, мужики, староста Дронъ, и когда онъ приложилъ къ нимъ *права лица...* то понялъ, что занимался праздной работой.

И впрямь, какія-тутъ права лицъ, когда существуютъ иные права—коношни и барской милости. Гдѣ тутъ мѣсто идеи личнаго достоинства, когда остается ничѣмъ непоколебленной идея наказанія на тѣлѣ. Андрей Болконскій былъ умный и толковый хозяинъ, онъ былъ не злой человѣкъ, ему были присущи нѣкоторыя религіозныя и философскія исканія. Онъ уже *хотѣлъ* уважать людей не comme ie fant, но возвыситься до полнаго признанія правъ человѣка и въ рабѣ,—онъ не былъ въ силахъ. Рабъ оставался для него рабомъ, существомъ низшаго сорта. Онъ заботился о рабѣ, какъ умный хозяинъ заботится о скотѣ: и для скота необходимо хорошее теплое стойло, сѣно и коновалъ въ случаѣ болѣзни,—точно также въ извѣстныхъ материальныхъ удобствахъ нуждались и крестьяне. Для нихъ Андрей Болконскій кое что дѣлаетъ. Въ принципѣ онъ даже за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но не во имя сантиментальной любви или народолюбія, а изъ классово-эгоистическихъ мотивовъ—въ интересахъ дворянства и его спасенія отъ растлѣвающаго вліянія тунеядства и самоуправства.

Крестьянъ Андрей Болконскій не уважаетъ и не любить. Наказаніе на тѣлѣ онъ не считаетъ для нихъ оскорбительнымъ: „Ежели ихъ бываютъ, скучутъ, посылаютъ въ Сибирь, говорятъ онъ, то я думаю, что имъ отъ этого никакъ не хуже. Въ Сибири „ведутъ они“ ту-же скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживають, и „онъ также счастливъ“, какъ былъ прежде“.

Но Андрей Болконскій тронутъ и новыми идеями. Онъ не могли не проникнуть въ барскую среду: Гувернеры ино-

странцы, знаніе языковъ, роскошныя библіотеки, книги на французскомъ и англійскомъ языкахъ, заграничныя путешествія—все это вводило людей аристократического круга въ міръ новыхъ демократическихъ идей и либеральныхъ настроеній. Старое барство сталкивалось съ новымъ міровоззрѣніемъ и какъ-то уживалось съ нимъ. Достаточно припомнить домъ Яковлева, гдѣ выросъ Герценъ, чтобы понять, какъ сумбурно, хаотично, внѣшне уживались въ одномъ барскомъ домѣ два уклада жизни—старинный крѣпостническо-барский и новый либеральный, западно-европейскій. Несомнѣнно долженъ быть возникнуть конфликтъ между психическими традиціями и навыками старинного барства и новыми освободительными идеями. Отсюда извѣстная нравственная развоенность, исканіе смысла и оправданія жизни и своего поведенія, отсюда нѣкоторая надломленность и неуравновѣшенность.

Андрей Болконскій, въ котораго Толстой вложилъ многія черты своего характера, человѣкъ прямой и честный, и не хочетъ знать компромиссовъ: независимый и гордый феодаль, гордился всегда своей прямолинейностью, онъ имѣлъ возможность осуществлять свою волю, онъ не рвалъ органической связи между мыслю, словомъ и дѣломъ. Въ этомъ было его огромное преимущество передъ обычновенными смертными, приниженнymi и смиряющими свои желанія передъ силой обстоятельствъ.

Феодаль жилъ полной жизнью, дышалъ свободно; организмъ его работалъ сильно и властно. Онъ умѣлъ и любить и ненавидѣть, ставить цѣли и осуществлять ихъ. Феодально-крѣпостническій строй создавалъ для него эту счастливую возможность дышать полной грудью, жить цѣлостной жизнью. И когда стала рушиться этотъ строй,—никто сильнѣе феодала не почувствовалъ измѣненія условіи жизни. Старая потребности прямого и послѣдовательного дѣйствія, не знающаго компромиссовъ согнутой спины,—властно заговорили въ негибкой душѣ феодала, а новыя условія требовали гибкости, приспособленія, иной психологіи, иной дисциплины, иныхъ житейскихъ взаимоотношеній.

На этой почвѣ создается конфликтъ въ душѣ Андрея Болконскаго и ему подобныхъ, растетъ развоенность; совѣсть заговорила сильнѣе и властнѣе и требуетъ выхода изъ круга сомнѣній и недоумѣній. Отсюда духъ усталости и надломленности, усиливаемыхъ тяжелымъ наслѣдственнымъ грузомъ переживаний многихъ и многихъ поколѣній предковъ; отсюда—естественная потребность искать этотъ выходъ не въ приспособленіи къ новымъ непонятнымъ соціальнымъ условіямъ, а внутри себя, въ усиленной работѣ совѣсти, въ задачахъ самоусовершенствованія и морального освобожденія отъ тяжелыхъ тисковъ жизни.

Въ Андреѣ Болконскомъ Толстой воплотилъ черты отожижающаго властнаго барства, съ его властностью, честолюбіемъ, силой воли, чувствомъ чести и долга, съ его несомнѣнно

сильнымъ инстинктомъ государственного строительства. Въ лицѣ Пьера Безухаго онъ воплотилъ другія лучшія свои черты. Пьеръ Безухій добрый малый съ чуднымъ сердцемъ, идеалистъ, мечтатель съ гуманными настроеніями и склонностью къ философіи. Это богатая чувственная, страстная натура, нѣсколько беспутная, но по существу исполненная жажды добра и прекрасныхъ задатковъ. Не случайно Толстой влагаетъ въ душу Пьера и нѣкоторыя народническія настроенія. Такія настроенія были бы чужды сухому, практическому и надменному аристократу чистой воды, привыкшему взирать на народъ съ высоты своего аристократического презрѣнія. И потому Толстой съ большой художественною чуткостью даетъ новыя черты не родовитому аристократу. Пьеръ Безухій, хотя и графъ, но не изъ родовитой семьи. Его отецъ— „вельможа въ случаѣ“ временъ Екатерины II. Съ точки зрѣнія старинной аристократіи такое жалованное графство ровно ничего не стоитъ. Оно просто игнорируется, и замѣчательно, что во всемъ романѣ Толстого Пьеръ Безухій фигурируетъ, какъ Пьеръ Безухій, а не какъ *графъ* Пьеръ Безухій.

И въ тоже время Андрей Болконскій всегда *князь* Андрей Болконскій; титулъ князя составляетъ неотъемлемую часть его имени и фамиліи. „Князь Андрей“—это звучитъ привично и естественно;— „графъ Пьеръ“—странны и не натурально.

На плечахъ Пьера нѣть тяжелаго груза усталости многихъ поколѣній предковъ, и онъ идетъ бодрѣ и радостнѣе, чѣмъ Андрей, на встречу новымъ запросамъ жизни и новымъ исканіямъ правды. Это натура дѣятельная экспансивная, воспріимчивая къ новымъ вѣяніямъ. Онъ быстро проходитъ всѣ идеинія увлеченія вѣка, патріотическая настроенія смѣняются масонствомъ; это послѣднее мистицизмъ, филантропіей либерализмъ, идеями декабристовъ. Пьеръ—здоровая натура, съ сильными нравственными запросами, съ большимъ чувствомъ демократизма. У него есть влеченіе къ народу, какая то безсознательная къ нему тяга. Онъ уже не такъ презираетъ чиновниковъ,¹⁾ какъ родовитые бары, онъ проще, добродушнѣе, доступнѣе.

Вполнѣ сознательно Толстой сближаетъ Пьера съ представителемъ народа, солдатикомъ Каракаевымъ, въ которомъ, по мнѣнію Толстого, воплощена вся народная мудрость. Каракаевъ—олицетвореніе духа простоты и нравственное сочетаніе жизнерадостности и покорнаго провидѣнію, пессимизма и смиренія.

Въ лицѣ Каракаева Толстой вступаетъ на путь идеали-

¹⁾ Замѣчательно, что въ романѣ Толстого это пресрѣпіе прямопородно родовитости. Всего сильнѣе у старика Болконскаго.

зація народа и, слѣдовательно, народничества. Но народничество Толстого весьма своеобразное. Это, по мѣткому замѣчанію проф. Овсянника—Куликовскаго,—барская разновидность народничества, при которой старая соціальная отношенія всего менѣе поколеблены: между бариномъ и мужикомъ, по прежнему, не стоитъ никакое третье лицо, идиллія не нарушена... „Мужичокъ“ взять самый благонравный и крайне удобный для барского спокойствія. Толстой не видѣлъ трагедій въ отношеніяхъ господъ и рабовъ. Въ его произведеніяхъ нигдѣ нѣтъ картины ужасовъ крѣпостного права. На вопросы, почему онъ игнорировалъ, Толстой отвѣчалъ,—„потому что я ихъ не видѣлъ, а чего не видѣлъ, того я изображать и не могу“. Отвѣтъ правдивый и искренній. И дѣйствительно, Толстой не видѣлъ ужасовъ крѣпостного права въ своей средѣ. Въ дѣствѣ онъ никогда не видѣлъ и не слышалъ про сѣченіе дворовыхъ крестьянъ. Но рядомъ съ этими законными основаніями отказа изображать то, что не видѣлъ, у Толстого были и другія инстинктивныя побужденія. Идиллія барско—крестьянскихъ отношеній была не чужда его психологіи. И это не случайность, что изъ массы крестьянскихъ типовъ Толстой обратилъ вниманіе на Каратаева,—скромнаго мужичка, настоящую божью коровку, тихаго и смиреннаго, покорнаго судьбѣ, неспособнаго воды замутить. Съ такимъ мужичкомъ пріятно и спокойно имѣть дѣло: ни совѣсти вашей онъ не взволнуетъ, ни амбаровъ не подожжетъ, ни бунта, ни аграрныхъ безпорядковъ не устроить. Неладомъ и славянофилы въ своемъ барскомъ народничествѣ охотно проповѣдовали смиреніе, будто-бы составлявшее самую истинно русскую и христіаннѣшую особенность русскаго народа.

Согласно представлениію Толстого Каратаевъ—фаталистъ. „Рокъ головы ищеть“—говорить онъ, отъ судьбы не уйдешь; отъ сумы и тюрмы не зарекайся. Каратаевъ такъ и сыплетъ народными пословицами, которыя освобождаютъ его отъ необходимости думать. За Каратаева думаетъ весь народъ и Каратаеву остается только сливаться въ своихъ настроеніяхъ и переживаніяхъ съ народомъ. Жизнь для него имѣла смыслъ только въ сліяніи съ цѣльмъ, которое онъ непрерывно чувствовалъ, и отъ которого онъ получалъ свою радостную покорность судьбѣ. Каратаевъ былъ всегда радостенъ, веселъ, смиренъ, покоренъ провидѣнію, безъ воли котораго съ человѣческой головы не упадеть ни одинъ волосокъ. Рокъ головы ищетъ! И это признаніе высшаго суда, эта покорность факту, эта пассивность и бездѣятельность восхищали Толстого, видѣвшаго здѣсь высшее разумѣніе смысла жизни.

Сліяніе съ цѣльмъ, радостное переживаніе за одно съ этимъ цѣльмъ всей его жизни и безропотное воспріятіе зла—вотъ настроенія Толстого, цѣликомъ предвосхищающія его будущія этическія и соціальные теоріи „Исповѣди“, „новаго толкованія евангелія“, они уже опредѣляются въ „Войнѣ и мирѣ“

страницами, посвященными Карапаеву и всей философской конструкцией романа. Бездейственность, пассивное подчинение высшей воле Толстой считает истинной мудростью. Поэтому выживший из ума дряхлый Кутузов кажется Толстому воплощением мудрости, а сильный и энергический Наполеон, в своих усилиях повернуть события по своему желанию, кажется Толстому жалким актером, кривляющей и пустым, ничтожным человеком.

Это влеченье к пассивности, бездейственности подмѣтиль в свое время наш критик консервативного лагеря Головинъ, который видѣлъ въ отсутствіи стойкости и инициативы недостатокъ индивидуальной выдержки въ русскомъ народѣ. Личность была подавлена и угнетена, табунное начало было сильнѣе. У Толстого къ этой первой причинѣ симпатій къ пассивности нужно прибавить и вторую, лично свойственную Толстому: это тотъ грустный взглядъ на жизнь, который объяснялся усталостью и пресыщенностью жизнью цѣлаго ряда аристократическихъ предковъ нашего писателя.

Надо, однако, замѣтить, что философскій фатализмъ Толстого не находится въполномъ согласіи съ художественными наблюденіями писателя. Какъ это часто бываетъ у Толстого, художественные образы у Толстого живутъ своей самостоятельной жизнью, независимо отъ тенденцій и намѣреній автора. Это замѣтилъ еще Писаревъ, въ свое время, и въ этомъ громадная художественная заслуга Толстого. Когда мы читаемъ „Войну и миръ“ мы можемъ не замѣтить тенденцій автора, и образы будутъ говорить намъ сами за себя. Картины массовой жизни, нарисованныя намъ Толстымъ и говорятъ намъ не о фатализмѣ и покорности судьбы, а о томъ, что личность играетъ ничтожную роль въ массовыхъ движеніяхъ и что она не можетъ измѣнить или направить события, вопреки воли этихъ массъ и ихъ естественному движению по опредѣленному руслу. Въ этомъ смыслѣ Л. Н. Толстой, отчасти, далъ своимъ романомъ полезный материалъ и для того направленія, которое Толстой отрицаєтъ всей своей психикой — а именно марксизму.

Что касается „народничества“ Толстого, по скольку оно выразилось въ Карапаевѣ, то здѣсь умѣстно сказать уже за одно, что народническая воззрѣнія Толстого не вылились въ опредѣленное міровоззрѣніе и пережили немало измѣнений. Аналитический умъ Толстого лишенъ всякой способности синтеза и потому противорѣчія у него мирно уживаются другъ съ другомъ. Такъ въ „Казакахъ“ Толстой съ симпатіей выводить въ противоположность Карапаеву яраго индивидуалиста Ерошку, который утверждаетъ, что все Богъ сдѣлалъ для человека. Ни въ чемъ нѣть грѣха. И Пьеръ Безухій отчасти близокъ и къ Ерошкѣ, когда утверждаетъ, что жизнь есть все, жизнь есть Богъ.

Ивановъ-Разумникъ въ своей книжѣ пытается опредѣлить

народничество Толстого, какъ нѣчто среднее между почвенничествомъ Достоевскаго и критическимъ народничествомъ. Еще въ 1862 году Толстой въ статьѣ „прогрессъ и определеніе образованія“ предвосхитилъ основныя положенія критического народничества, подробно развитыя въ слѣдующемъ десятилѣтіи Н. К. Михайловскимъ. Онъ первый послѣ Герцена и Чернышевскаго развилъ идею противоположности интересовъ націи и народа (народа т. е. трудящихся классовъ). Но вмѣстѣ съ Достоевскимъ Толстой признавалъ особый путь развитія для Россіи (*id* народники съ В. В. во главѣ) и смысливалъ *интересы* народа и его мнѣніями, считая нужнымъ держаться этихъ послѣднихъ. Какъ въ отношеніи народа, такъ и въ отношеніи идеи личности, Толстой пережилъ рядъ противорѣчій отъ яркаго индивидуализма до табуннаго начала, и оба эти настроенія совмѣстилъ и въ своей поздней проповѣднической дѣятельности.

VI.

Разбирать болѣе детально романъ „Война и миръ“ у насъ нѣть никакой возможности. Это уже не разъ сдѣлано другими и не входитъ въ нашу задачу. Отмѣтимъ только глубокую художественность романа во всѣхъ тѣхъ его частяхъ, где передаются интимныя переживанія и настроенія стариковъ и молодыхъ, на удивительныя картины барской жизни въ семье Ростовыхъ и у Болконскихъ, и свѣтской жизни Петербургскихъ салоновъ, на полныя глубокой наблюдательности картины военнаго быта и жизни офицеровъ арміи и гвардіи. Впервые въ русской литературѣ затронутъ и поставленъ на вѣрную почву вопросъ о нелѣпыхъ предразсудкахъ такъ называемой чести воинской части ¹⁾). Полна глубокаго пониманія психологіи толпы исторія Верещагина. Тонкой вдумчивостью проникнута характеристика генераль—губернатора графа Ростопчина. Въ сценѣ съ Верещагинымъ уже явно выдвинута Толстымъ отрицательная точка зреѣнія къ государству и такъ называемому „порядку“, во имя которого приносятся жертвы. Картина получается въ высшей степени назидательная: графъ Ростопчинъ явно напуталъ; своими глупыми лиетками и воззваніями онъ успокоилъ москвичей и помѣшалъ ему во время убраться,—теперь, когда глупость его распоряженій стала очевидной для всѣхъ,—онъ не знаетъ, какъ выпутаться и придумываетъ отвратительный

¹⁾ Объ этомъ прекрасныя страницы въ книгѣ Драгомірова о „Войнѣ и мірѣ“.

выходъ. Онъ зоветъ Верещагина, котораго Сенатъ уже осудилъ за распространеніе прокламаций къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ; но графу Ростопчину нужна искупительная жертва за собственную глупость. Онъ выдаетъ Верещагина толпѣ, онъ разжигаетъ ея страсти, увѣряя, что Верещагинъ виновникъ занятія французами Москвы и, устроивъ легенъкій погромъ, жертвой котораго гибнетъ по его самовольному суду Верещагинъ, уѣзжаетъ успокоенный и удовлетворенный, въ коляскѣ, увѣряя себя, что все это было необходимо въ интересахъ „порядка“!

Очень цѣнны и тѣ страницы, гдѣ Толстой, вопреки установленвшемуся въ свое время взгляду, изображаетъ отношенія крестьянъ къ дворянамъ и французамъ далеко не общепринятой патріотической точки зрѣнія. Но ужасовъ крѣпостного права Толстой все-же не изображаетъ намъ въ своемъ романѣ: ихъ онъ не видалъ и не хочетъ знать...

Второй романъ „Анна Каренина“ рисуетъ намъ тотъ-же великосвѣтскій міръ послѣ „катастрофы“, то есть послѣ освобожденія крестьянъ. Передъ нами картина жизни великого свѣтскаго общества въ условіяхъ крушения старого соціального строя. Новые отношенія, легализованныя и юридически оформленные „великими реформами“, требовали приспособленія къ себѣ людей старого уклада, или неизбѣжно вели ихъ къ гибели. Эту потребность приспособленія къ новымъ условіямъ жизни чувствуютъ всѣ; чувствуетъ и Л. Н. Толстой, но не знаетъ, какъ это сдѣлать. Старое исчезло въ своихъ юридическихъ правахъ, но остается властнымъ въ своей психологіи. Для Толстого новые соціальные слои не существуютъ: Они ему прямо антипатичны. Онъ не хочетъ знать ни интеллигентіи изъ разночинцевъ, ни торгово-промышленного класса, ни новыхъ свободныхъ профессій, ни земства, ни фабрикъ, ни промышленности. Если появляется представитель интеллигентной профессій, то непремѣнно подмаранный, напр. адвокатъ—по бракоразводнымъ дѣламъ, если купецъ, то кулакъ, скучающій за дешево дворянскія помѣстья. Новые люди только случайные типы. Центральное мѣсто занимаютъ, по прежнему, люди бѣлой кости, —бары, и рядомъ съ ними—мужики. Среди баръ—самый симпатичный Толстому и близкій ему по крови и духу—Константинъ Левинъ, за которымъ стоитъ все время самъ авторъ.

Романъ „Анна Каренина“ носитъ на себѣ печать какой то общей грусти, надломленности и неудовлетворенности. Въ семьяхъ царить разладъ, въ настроеніяхъ—смутное сознаніе нескладности жизни. Вронскій во многомъ пошелъ дальше Андрея Болконскаго; онъ уже тяготится условностью и безсодержательностью свѣтскаго общества, онъ желалъ бы лучшей и болѣе разумной жизни. Онъ готовъ уйти изъ „свѣта“, нарушить условность свѣтской морали и жить въ незаконномъ бракѣ съ любимой женщиной, но куда уйти,—онъ этого себѣ не представляетъ. Прильпиться душой къ новымъ классамъ

онъ не можетъ: всѣми силами своей души, всей своей барской психологіей чуждъ онъ новымъ людямъ и новымъ интересамъ. И потому онъ пытается устроить счастье съ любимой женщины въ атмосферѣ полной оторванности отъ общества. Но, разорвавъ всѣ соціальныя связи съ обществомъ онъ, какъ и Анна Каренина, не могутъ утвердить своей жизни на одномъ основаніи—личнаго чувства, и вотъ Анна Каренина лежитъ распластаннымъ трупомъ подъ колесами желѣзнодорожнаго поѣзда, а Вронскій уѣзжаетъ въ Сербію, не вѣря въ добровольческое движение.

Герой Толстого— Левинъ. Онъ уже чуждъ барскаго презрѣнія къ мужикамъ, онъ ихъ и уважаетъ, и даже любить, но онъ не хочетъ знать ни о какихъ новыхъ элементахъ общества и все еще не утерялъ надежды на устройство идилическихъ отношеній съ крестьянами. Онъ глубоко презираетъ городъ, купцовъ; ему кажется возмутительнымъ то обстоятельство, что Стива Облонскій подаетъ руку купцу, покупающему землю и считаетъ этого купца не выше своего лакея, которому „не подаютъ руки“.

Съ большой наивностью человѣка, который привыкъ жить настроеніями и психическими привычками *бога*, чѣмъ думать, онъ искренне уѣждентъ, что онъ по праву получиль наслѣдственная земли даромъ, по праву получаетъ въ сто разъ большій доходъ, чѣмъ мужикъ, а вотъ купецъ, скучающій дешево земли, поступаетъ и гнусно, и безнравственно. У Левина большая жажда правды, но его практическая мораль нѣчто чрезвычайно плоское, мѣщанское. Какъ наивно разсказываетъ намъ Толстой, что Левинъ, руководясь инстинктомъ правды, всегда зналъ, что хорошо и что дурно. И вотъ какъ онъ представлялъ себѣ это хорошее и дурное: Левинъ „зналъ, что нанимать рабочихъ *надо* было какъ можно дешевле; но брать въ кабалу ихъ, давая впередь деньги, дешевле, чѣмъ они стоятъ, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать въ безкормицу мужикамъ солому, можно было, хотя и жалко было ихъ; но постоянный дворъ и питейный, хотя они и доставляли доходъ, надо было уничтожить... Петру, платившему ростовщику 10 процентовъ въ мѣсяцъ, нужно было дать взаймы, что-бы выкупить его; но *нельзя* было спустить и отсрочить оброкъ мужикамъ неплательщикамъ“.

Такова нехитрая и поистинѣ чисто помѣщичья „правда“ Левина. Стоило-ли огородъ городить и копья ломать, что-бы прійти къ морали обычнаго помѣщика, не открытаго грабителя и кулака, а человѣка признающаго извѣстное джентельменство въ отношеніи къ придавленному нуждой крестьянству. Не устраивать питейный домъ, не прижимать въ расчетахъ голодомъ, не платить дешевле стоимости денегъ— вотъ какая скромная глубина содержитъ „правда“ Левина и отчасти тогдашняго Толстого. И если-бы за спиною Левина не стояла совѣсть великаго писателя, мы бы, несомнѣнно, признали въ

Левинъ обыкновенного помѣщика—аграрія съ нѣкоторой примѣсью идеализма и романтизма въ отношеніи къ крестьянамъ. И, конечно, этотъ романтический идеализмъ не долго бы выдержалъ жестокія приосновенія суповой дѣйствительности. Розы между мужикомъ и бариномъ все-бы росла, противорѣчія между интересами того и другого все увеличивались бы и съ желѣзной необходимостью толкали бы барина—романтика на путь истинно дворянской политики по извѣстной программѣ—земскихъ начальниковъ, дворянского банка, а впереди, можетъ быть, и сотни казаковъ. Но совѣсть великаго художника не пустила Левина въ эту сторону, она смущила его покой картиной жизненныхъ противорѣчій, мыслью о неизбѣжной смерти и безсмысленности жизни, ушедшей на созиданіе себѣ одному семейства и материальнаго благополучія. Вопросъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни мучительно зазвенѣлъ въ совѣсти и Левина, толкалъ его на тяжелыя нравственные страданія и муки, чутъ не привель къ самоубійству и, наконецъ, направилъ его сначала въ лоно церковно—народныхъ традицій, откуда уже намѣчался выходъ въ сторону евангелическаго христианства.

Еще Н. К. Михайловскій въ своей замѣтательной статьѣ о Толстомъ („Десница и Шуйца Л. Н. Толстого“) обратилъ вниманіе на тѣ страницы романа „Анна Каренина“, которыя свидѣтельствовали не только о драмѣ жизни въ душѣ К. Левина, но еще въ большей степени говорили о драмѣ души великаго писателя. Эта драма могла привести обыкновенного человѣка къ самоубійству, но у недюжинного человѣка она могла разрѣшиться иначе, путемъ иныхъ болѣе жизненныхъ выходовъ. Толстой былъ достаточно сильнымъ человѣкомъ, чтобы покончить жизнь самоубійствомъ. Его спасла крестьянская масса, любовь къ которой зародилась у Толстого еще въ молодости. Онъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ ихъ жизнь, и жизнь богатаго круга людей ему „не только опровергѣла, но и потеряла всякий смыслъ“.

Несомнѣнно на Толстого повліяли и народническія движения 70-хъ годовъ эпохи хожденія въ народъ. На русское общество не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія и нѣкоторые политические процессы этого времени. Таковы напр. процессы Долгушинцевъ въ 1875 году и въ особенностяхъ процесса московскихъ „пятидесяти“, среди которыхъ обращали на себя вниманіе Бардина, Любатовичъ и сестры Субботины. Это были дѣвушки, вышедшия изъ свѣтскаго общества. Несмотря на то, что родители ихъ были очень богатые люди, они вели жизнь простыхъ рабочихъ дѣвушекъ, жили въ фабричныхъ казармахъ, работали по 14--16 часовъ въ день и переносили всѣ тягости труда только ради того, чтобы иметь возможность жить среди рабочихъ и учить ихъ. Наконецъ въ 1878 году огромное впечатлѣніе произвелъ процессъ 193 и Вѣры Засуличъ. Всѣ эти народническія дви-

женія не могли не найти отклика въ чуткой душѣ большого художника. Новые настроенія отразились у Толстого въ рядѣ публицистическихъ статей и во всѣхъ новыхъ его художественныхъ произведеніяхъ.

VII.

Существуетъ предразсудокъ, который заслуживаетъ быть опровергнутымъ — это обѣ упадкѣ творческой дѣятельности Толстого въ періодѣ увлеченія его религіозно-философскими настроеніями. Обыкновенно принято считать, что Толстой „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, какъ художникъ, выше Толстого болѣе позднихъ произведеній; но это совершенно не вѣрно. Толстой, какъ художникъ, не утратилъ своихъ дивныхъ творческихъ силъ до глубокой старости. Правда есть разница въ произведеніяхъ болѣе раннихъ и болѣе позднихъ, но эта разница вовсе не во вредъ новому. Толстой сталъ еще строже относиться къ своему творчеству. Языкъ его сталъ проще, строже, разсказъ суровѣе и напряженѣе. Толстой сталъ ярче и опредѣленѣе, чѣмъ прежде, высказывать свои новые взгляды, удѣляя иногда имъ часть содержанія новыхъ рассказовъ, какъ сдѣлалъ онъ это и въ „Войнѣ и мирѣ“, помѣстивъ цѣлый философскій трактатъ въ концѣ романа на тему о роли личности въ массовыхъ движеніяхъ. Но его теоретические взгляды никогда не вліяли на художественные образы. Его произведенія не стали болѣе тенденціозными.

Въ этомъ отношеніи Толстой рѣдкій примѣръ художественной честности и независимости. Образы, создаваемые имъ, живутъ своей особенной, вполнѣ самостоятельной жизнью и часто не подчиняются его выводамъ. Это въ высшей степени цѣнное свойство. Чувство правды и художественного такта ни на минуту не измѣняютъ Толстому. И потому, какъ художникъ, онъ всегда одинаково честенъ и вѣренъ себѣ. Такъ напр., еще въ старомъ разсказѣ „Люцернъ“, написанномъ съ явной цѣлью разгромить цивилизацию богатыхъ, Толстой разсказываетъ, какъ онъ, возмущенный черствостью англичанъ, не пожелавшихъ ничего дать уличному пѣвцу, пригласилъ этого пѣвца на зло надутымъ туристамъ за свой столикъ въ роскошномъ ресторанѣ и угощалъ виномъ. Толстому, конечно, хотѣлось показать, насколько мы выше черствыхъ представителей запада, но сила художественной правдивости такъ сильна въ Толстомъ, что, въ концѣ концовъ, разсказъ его приводитъ къ самымъ неожиданнымъ выводамъ. Оказывается, что пѣвецъ чувствовалъ себя очень неловко въ важномъ ресторанѣ за столомъ богатаго путешественника, что по всему видно было, какъ его стѣсняетъ неожиданное „благородство“ русскаго господина, что, видимо, онъ съ большой охотой предпочелъ бы скромный кабачокъ и менѣе дорогое вино. Въ концѣ концовъ вы видите, что въ благородствѣ

барина заключалась не малая доля рисовки и совсѣмъ мало было заботы о человѣческой личности. Чувство художественной правды у Толстого всегда побѣждаетъ тенденцію. Тоже мы видимъ и въ одномъ изъ произведеній Толстого девятидесятыхъ годовъ „Хозяинъ и работникъ“; здѣсь затрагивается очень важный вопросъ объ отношеніи работодателей къ рабочимъ. Какъ извѣстно, Толстой отрицаетъ классовую борьбу, не хочетъ и слышать о ней, и повѣсть написана съ явной цѣлью показать силу любви, торжествующей надъ силой классовой ненависти. Но Толстой чуткій и правдивый художникъ. Онъ не можетъ допустить лжи и даже преувеличеній. Онъ чувствуетъ, что картина нѣжной любви и самопожертвованія въ отношеніяхъ хозяина къ работнику покажется очень странной и неестественной въ обычныхъ условіяхъ городской и сельской жизни, и вотъ, съ геніальной находчивостью, онъ переносить событіе своего рассказа изъ условій опредѣленного времени и пространства въ обстановку исключительную.

Передъ нами безлюдная мѣстность, занесенная снѣгомъ. Нѣть здѣсь ни города, ни деревни, ни городовыхъ, ни станицъ, ни фабрикъ, ни экономій,— ни одного изъ признаковъ современного государства. И вотъ въ этой необычной обстановкѣ совершается великій актъ любви: хозяинъ покрываетъ своимъ тѣломъ замерзающаго работника и спасаетъ его жизнь цѣнной своей собственной. Остается глубоко-сильное и, съ тѣмъ, вполнѣ правдоподобное впечатлѣніе.

Только въ одномъ своемъ произведеніи Толстой впадаетъ въ шаржъ и погрѣшаетъ противъ истины. Въ забавной и умной комедіи „Плоды просвѣщенія“, изображающей постоту и ничтожество высшаго общества, осмѣяна наука — въ лицѣ профессора, увлеченаго спиритизмомъ. Рѣчь профессора представляетъ собою странное сочетаніе чрезвычайно вѣрныхъ и вполнѣ научныхъ догадокъ о природѣ силъ и энергіи, объ атомахъ и въ эти строго научные соображенія искусственно вплетены чисто шарлатанская утвержденія спиритовъ.

Впрочемъ, уклоненіе отъ истины оправдывается здѣсь легкимъ жанромъ творчества. При томъ ученый профессоръ легко можетъ оказаться профаномъ въ жизни, а весь комизъ именно въ томъ столкновеніи ученыхъ и просвѣщенныхъ лѣдей съ жизнью, при которомъ бойкая дѣвушка изъ деревни можетъ водить за носъ людей высшей „культуры“.

На почвѣ строгаго художественнаго реализма стоитъ Толстой въ своей драмѣ „Власть тьмы“. Пьеса дорога для насы, между прочимъ, и потому, что чужда всякаго сантиментализма, обычнаго въ народнической литературѣ. Несмотря на любовь Толстого къ народу, онъ не идеализируетъ его, и остается на почвѣ суровой и не подкрашенной правды жизни. Ужасъ власти тьмы захватываетъ и потрясаетъ насы, и только безхитростный Акимъ, со своимъ „душа надобна“— спасаетъ въ насы вѣру въ народъ. Л. Н. Толстому, рядомъ съ Успенскимъ, принадлежитъ великая заслуга изображенія

русского крестьянства безъ всякаго подкрашиванія, такимъ, какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Сурово и безъ всякаго прикрашиванья изображаетъ Толстой и жизнь и смерть Ивана Ильича (смерть Ивана Ильича). Безпощадный анализъ жизни не озаренной высшимъ пониманiemъ, чуждой высшихъ религозныхъ и нравственныхъ задачъ, сдѣланъ съ такой суровой силой, съ такой неумолимой логикой и ясностью выводовъ, что впечатлѣніе отъ повѣсти остается на всю жизнь. Дѣлается до очевидности ясно, что такъ жить нельзя, и что современный человѣкъ со своими суетными заботами о комфорте, о вѣнчнemъ благополучии—жалкий, ничтожный и несчастный человѣкъ.

Въ своей статьѣ „объ искусствѣ“ Толстой старается выяснить общенонародное значение искусства и требуетъ отъ него высоко христіанскаго содержанія. Если принять во внимание то обстоятельство, что христіанство Толстой разумѣеть, какъ вложенное самой природой въ нашу душу влеченіе къ добру, то съ этой точки зрѣнія вся художественная дѣятельность Толстого можетъ быть названа вполнѣ христіанской и глубоко всенародною. Но, не довольствуясь этимъ, Толстой задумалъ цѣлый рядъ мелкихъ (по размѣрамъ) произведеній, въ которыхъ старался выразить свое христіанское настроеніе („Чѣмъ люди живы“, „Много-ли человѣку земли нужно“, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Карма“ и пр.), и въ этихъ маленькихъ разсказахъ онъ остается большимъ художникомъ.

Такимъ большимъ художникомъ является онъ и въ своемъ послѣднемъ романѣ „Воскресеніе“. Юношеская энергія писателя поражаетъ насъ. Семидесятилѣтній авторъ пишетъ такъ, какъ если бы онъ самъ недавно переживалъ все то, что онъ разсказываетъ о своихъ герояхъ. Полная весенней свѣжести и поэзіи сцена увлеченія Катюши Нехлюдовымъ. Словно волна молодой здоровой чувственности хлынула изъ глубины сердца автора и все залила и захватила. Свѣтское общество изображено съ той-же неувядаемой яркостью красокъ, которыми написаны лучшія страницы „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. Передъ нами громадное количество дѣйствующихъ лицъ и глубоко вѣрное пониманіе ихъ жизни и психологій.

Поражаетъ напримѣръ то безпристрастіе, съ которымъ Толстой изображаетъ террористовъ, хотя принципіально и является ихъ непримирамъ врагомъ. Злой и мѣткой сатирой дышать страницы, посвященные изображенію суда. Впрочемъ, судъ и судейскихъ Толстой всегда не могъ терпѣть. Это принципіальное отрицаніе суда поддерживалось и личными непріятностями, полученными Толстымъ при столкновеніи его съ судейскимъ міромъ. Извѣстно его огорченіе и возмущеніе, когда судебный слѣдователь, изъ лишняго усердія, привлекъ Толстого къ слѣдствію по дѣлу о забоданіи мужика принадлежащей ему коровой. Тяжелая впечатлѣнія вы-

несь Толстой и отъ военного суда, въ которомъ онъ однажды выступалъ защитникомъ. Судъ и осужденіе отрицаютъ Толстого и съ точки зрењія своего пониманія евангелія. Потому то онъ и поставилъ въ центрѣ своего романа громадную, по своему существу, антitezу судящихъ и судимыхъ. Эта смѣлая антitezа не могла не произвести на всѣхъ огромное впечатлѣніе. *Кто суды? Кого судять?*

Передъ нами несчастная Катюша, доведенная до проституціи и, по ошибкѣ слѣдователя, попавшая на скамью подсудимыхъ. А vis à vis на скамье судей совѣсти—знатный и богатый человѣкъ, князь Нехлюдовъ—дѣйствительный виновникъ несчастій Катюши. Богатство и бѣдность. Сомнительная честность и неповинная преступность. Добро и зло. Правда внѣшняя и правда внутренняя—все стало тутъ одно передъ другимъ во всей своей обнаженности, передъ суровой, но безпристрастной оцѣнкой видящаго правду художника и поразило насъ, потрясло и взволновало неожиданностью положеній и выводовъ. Ужасъ жизни со всѣми ея противорѣчіями, условностью, ложью со всѣми ея дикими и непослѣдовательными, лицемѣрными отношеніями—всталъ передъ нами грознымъ кошмаромъ и требуетъ коренныхъ моральныхъ и соціальныхъ преобразованій общества. Такъ дальше жить нельзя—вотъ что слышится въ каждой строчкѣ геніального произведенія Толстого, вотъ что даетъ ему особенную глубину, живучесть и значительность. Совершенно правъ Кропоткинъ утверждая, что романъ „Воскресеніе“—одно изъ самыхъ интернациональныхъ произведеній Толстого, и какъ вѣрно выразился одинъ французскій критикъ, „эта книга оставить свой глубокій слѣдъ на совѣсти вѣка“.

Громадное значеніе будетъ имѣть и религіозно-философская проповѣдь Толстого, о которой мы будемъ говорить ниже. При всей ошибочности и непослѣдовательности Толстого, какъ моралиста и соціального реформатора, при всемъ томъ, что на его воззрѣніяхъ замѣтенъ сильный слѣдъ его аристократическихъ настроеній, его произведенія уже потому цѣнны, что заставляютъ задумываться надъ коренными вопросами человѣческой жизни, и ставя ихъ ярко, рѣзко и смѣло, даютъ возможность и намъ искать на нихъ отвѣты яркие, смѣлые и опредѣленные.

Въ Толстомъ—мыслителѣ мы увидимъ все тѣ-же черты Толстого человѣка и художника и благословимъ его жажду правды, его немеркнущую ясность духа, его великое негодованіе противъ всѣхъ неправды жизни, то святое, благородное негодованіе, въ которомъ, одноть, уже залогъ будущихъ успѣховъ разума, справедливости и любви.

K. Арабажинъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Никто изъ критиковъ не обратилъ вниманія на поразительное сходство между Л. Н. Толстымъ и авторомъ „Божественной комедіи“.

Когда Данту было тридцать пять лѣтъ, онъ проснулся послѣ долгаго жизненнаго сна и оказался въ дремучемъ лѣсу (чащѣ страстей). Такъ разсказывается поэтъ. Вдали виднѣлась ясная поляна, и крѣпко захотѣлось Данту выбраться изъ лѣсной чащи и отдохнуть на свѣтлой полянѣ.

Но путь изъ дикой лѣсной чащи былъ загражденъ волкомъ, пантерой и львомъ (символы главныхъ человѣческихъ грѣховъ—жадности, сладострастія, властолюбія). Тогда на помощь поэту, жаждущему тихаго счастья, приходитъ Виргилій—символъ здраваго смысла,—практической философіи. Онъ указываетъ поэту вѣрный, подлинный путь. Сначала Виргилій ведетъ поэта въ адъ по девяти кругамъ конусообразной воронки, съуживающейся книзу: поэтъ словно нисходитъ по кругамъ въ самые отдаленные уголки своей собственной грѣшной души, содрогается отъ своей грѣховности и жаждетъ пройти путь очищенія, ведущій черезъ все чистилище къ желанному раю на землѣ, озаренному свѣтомъ практической философіи. Здѣсь Виргилій покидаетъ Данта. Какъ человѣкъ, въ значительной степени еще средневѣковый, Данть не могъ удовлетвориться указаніями практическаго разума. Философія—только служанка богословія и Beатриса—символъ божественной премудрости (теології) ведетъ поэта въ эмпиреи, въ небесный рай, гдѣ Данть созерцаетъ Бога.

Совершенно то же случилось и съ Толстымъ. Мы уже указывали, что никакого специального перелома въ жизни Толстого въ сущности не было. Но тотъ психологический переломъ, который присущъ каждому человѣку въ зрѣломъ возрастѣ—имѣлъ мѣсто и въ жизни Толстого. Обыкновенно въ 30—35 лѣтъ человѣкъ впервые оглядывается на пройденный путь, свершенный подъ вліяніемъ страстей и кипѣнія крови, словно во снѣ: честолюбіе, страсти, политическая борьба застилаютъ отъ человѣка болѣе важные вопросы объ истинномъ смыслѣ жизни. Но когда поуходятся физическая сила,—открывается длинный и печальный путь къ могилѣ и хочется успѣть осмыслить жизнь, возможно умнѣе и толковѣе использовать вторую половину своего земного су-

ществованія. На смѣну и взамѣнъ уходящимъ силамъ приходитъ опытъ для мудраго пользованія своими жизненными ресурсами.

У Толстого этотъ обычный въ жизни каждого человѣка переломъ нѣсколько затянулся. Онъ нашелъ свою, „ясную поляну“ на 34-мъ году въ счастливой семейной жизни (не чуждой бурь), въ заботахъ по хозяйству, въ творчествѣ. Только къ пятидесяти годамъ Толстой особенно остро почувствовалъ приближеніе старости и съ новой силой захваченъ былъ вопросомъ о смыслѣ жизни.

Тихая поверхность яснополянского счастья заволновалась философскими тревогами. То, что такъ остро и болно терзаетъ обыкновенного человѣка въ 35-лѣтнемъ возрастѣ, словило могучаго писателя на 15—20 лѣтъ позже—соответственно могучему росту его долговѣчнаго организма. Словно природа знала, что въ 80 лѣтъ Толстой будетъ также силенъ и бодръ, какъ рѣдко бываютъ бодры и шестидесятилѣтніе старцы.

Толстой заглянулъ въ свою душу, сошелъ въ глубь по ея кругамъ, усмотрѣлъ тамъ много грѣховъ и ужаснулся. Явилась не новая, но съ новой силой мутившая потребность очищенія и нравственнаго возрожденія. Горячка семейныхъ заботъ, творчества, хозяйственныхъ волненій прошла; наступало удовлетвореніе жизненными благами и удачами,—впереди зияла могила и съ непреодолимой силой толкала человѣка къ подведенію итоговъ жизни. Зачѣмъ жить? Какъ жить? Неужели для накопленія богатствъ, для славы, для обезпеченія семьи? Душа большого человѣка не мирилась съ такими тусклыми цѣлями жизни. Знакомство съ великими философами и художниками пессимистами—съ Шопенгаузеромъ, Соломономъ и другими пробуждало страстную потребность разгадать загадку жизни.

Сегодня будетъ куплено имѣніе въ Саратовской губерніи, а завтра въ Самарской. А дальше что? И какъ жить среди вопіющихъ противорѣчій и неправдъ жизни?

Подобно Данту, Толстой пробовалъ опереться на теологію. Но у него не было своей Beатрисы. Онъ хотѣлъ слиться съ народомъ, съ его наивными традиціями церковной догмы и церковныхъ обрядовъ. Но пятьсотъ лѣтъ отдѣляло новаго Данта отъ его предшественника. За это время выросла наука и цѣликомъ свергла иго церковныхъ традицій и предразсудковъ. Толстой слишкомъ современный человѣкъ, натура глубоко разсудочная, чуждая всякаго мистицизма, тщетно навязываемаго ему нѣкоторыми критиками.

Попытка Толстого смириться передъ традиціонными формами религіи вызывала протестъ всего его существа,—его разума, его совѣсти, его художественной проницательности, доходящей до ясновидѣнія. Всплыла и должна была всплыть старая мысль, записанная въ дневникѣ отъ 5-го марта 1855 года о созданіи религіи Христа, очищенной отъ вѣры

въ чудеса и всяческаго мистицизма. Навстрѣчу этой мысли шли и религіозныя исканія русскаго народа въ лицѣ его сектантовъ и настроенія, вызванныя картинами глубокаго разительного противорѣчія между офиціальной, государственной церковностью и евангельскимъ учениемъ¹⁾. Открывалась настоятельная необходимость сличенія офиціально признаннаго ученія съ его первоисточникомъ,—евангеліемъ.

Эту работу сличенія Толстой долженъ былъ продѣлать самъ,—пѣликомъ, всю, на своихъ могучихъ плечахъ. Громадныя физическая и духовныя силы давали ему вѣру въ себя. Мощная натура ставила Толстого непосредственно лицомъ къ лицу со всѣми задачами жизни. Его духовное „я“ было такъ громадно, что требовало установленія прямыхъ отношеній къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ—къ семье, обществу, государству, религіи. Толстой долженъ былъ установить свое отношение къ Богу, долженъ былъ создать свою религію, свое пониманіе евангелія. Если бы Толстой былъ человѣкомъ западно-европейской культуры, эта работа была для него облегчена. Тамъ, на западѣ, изученіе и критика евангелія начались давно и со временемъ Лютера получили право гражданства и широкое распространеніе въ условіяхъ полной религіозной свободы и терпимости. На западѣ, во многихъ странахъ, сравнительное изученіе религій вошло, какъ предметъ преподаванія, въ курсъ средней школы. А ужъ о богословской университетской наукѣ и говорить нечего. Достаточно вспомнить Фейербаха, Ренана, Штрауса и сотни другихъ ученыхъ изслѣдователей и коментаторовъ христіанства. Каждая строчка евангелія, каждый текстъ, каждый варіантъ изучены со всевозможной тщательностью. У насъ до послѣдняго времени воспрещались даже сочиненія Ренана; у насъ офиціальное толкованіе вопросовъ религіи и евангелія было монополіей господствующей религіи и тщательно и ревниво оберегалось отъ свободныхъ изслѣдований. Всякое дерзновеніе каралось, какъ государственное преступленіе, какъ политическая неблагонадежность. Полиція стояла на стражѣ благочестія, точного и неуклоннаго усвоенія религіозныхъ истинъ въ направлении „вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія“. Это создавало лѣнивое бездѣльствіе офиціально-православной науки, мѣшало свободному изслѣдованію и частныхъ лицъ.

Вотъ почему первыя же попытки свободнаго толкованія евангелія со стороны Толстого и другихъ вызывали смятеніе, ужасъ, крики негодованія, злобы и самое дикое преслѣдованіе. Вся бѣда въ томъ, что наша свѣтская наука освободилась на много лѣтъ раньше, чѣмъ религіозная ученоість. И такъ какъ эта послѣдняя была подъ строгимъ надзоромъ невѣжественныхъ фанатиковъ и изувѣроевъ, то интересъ къ ней не могъ развиваться и—въ результатѣ—глубокое равнодушіе нашего общества къ вопросамъ религіознаго сознанія.

¹⁾ Ср. извѣстное письмо свящ. Григорія Петрова къ митрополиту Антонію.

Знаменитая реформа Петра I, фактически отменившая живое соборное начало православной церкви и поставившая во главу ея чиновническую коллегию — сдѣлала свое дѣло. Духъ религіознаго изслѣдованія и ревности, горячая преданность религіозной идеѣ — были вытравлены изъ церкви. Она лишилась своей самостоятельности, была вомкнута въ кругъ государственныхъ учрежденій, смирилась передъ свѣтской властью, прониклась ея мѣняющимися интересами и настроениями и утеряла душу живу¹⁾. Восьмой членъ символа вѣры о соборности церкви (то-есть и о выборномъ началѣ въ отношеніи всѣхъ чиновъ церковной іерархіи) былъ отмѣненъ. А еще до конца XVII вѣка русскій народъ свято соблюдалъ это соборное начало, избирая священниковъ всѣмъ міромъ, а высшихъ іерарховъ соборами. Оттого-то возможна была встарину и ревность о вѣрѣ. Оттого-то и дерзаль митрополитъ Филиппъ говорить съ амвона о злодѣйствахъ самого царя Ивана Грознаго.

Восьмой членъ символа былъ нарушенъ. А вѣдь ничтожнаго измѣненія одной запятой достаточно для отпаденія отъ истиннаго православія. Знаменитое включение слова *filioque* раздѣлило всемирную церковь на Восточную и Западную. Гдѣ нарушенъ символъ, тамъ фактически отмѣнено и православіе. И старообрядцы это прекрасно понимали и понимаютъ... Ненормальное положеніе, въ которое поставлено было у насъ дѣло изученія религії, отразилось и на дѣятельности Толстого въ этомъ направленіи.

Прежде всего ему пришлось работать по цѣлинѣ. Ни въ интеллигентномъ обществѣ, ни въ русской наукѣ онъ не нашелъ никакихъ матерьяловъ, никакой подготовленной почвы. Отсюда — необходимость громаднаго труда по собира-нію матерьяловъ и изученію опыта западно-европейской науки. Толстой не останавливается передъ трудностью задачи. Онъ любить итти по цѣлинѣ. Онъ слишкомъ вѣритъ въ свои силы, чтобы остановиться передъ громаднымъ трудомъ. Онъ готовъ личными своими силами выполнить работу всего человѣчества. Онъ никому не довѣритъ и части своихъ выводовъ. Толстой изучаетъ греческий языкъ,ѣздитъ въ Москву заниматься подъ руководствомъ раввина древне-еврейскимъ языкомъ, изучаетъ и сличаетъ рукописи и варианты.

Можно было съ увѣренностью сказать напередъ, что, при всей талантливости великаго писателя и громадной его трудоспособности, работа не выйдетъ вполнѣ совершенной. Мало изучить языки. Нужно усвоить все богатство культуры народа, по скольку она отслоилась въ языкѣ. Слово, какъ виноградная лоза; на немъ виситъ огромное количество ассоціаций идей и впечатлѣний отъ каждой исторической эпохи.

¹⁾ Вскорѣ угодливость іерарховъ оказалась такъ велика, что при Александрѣ I одинъ изъ митрополитовъ былъ мисгикомъ.

Слово — спластанный, конденсированный конспектъ исто-
рії. Возьмите русское выраженіе *подлинный* (подъ линями),
подноготная — какое разнообразное значеніе давалось этимъ
словамъ въ разныя эпохи русской культуры. Старинное *пре-
лестъ* означало грѣховный соблазнъ. Еще Пушкинъ упо-
требляеть слово трудъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ обычный
теперь:

*Сулитъ мнѣ трудъ и горе.
Грядущаго волнуемаго море.*

Разбираясь въ толкованіи текстовъ съ лингвистической и
историко-филологической точки зрѣнія громадный трудъ, пред-
полагающій совмѣстную работу многихъ ученыхъ, поколѣній
и школъ. Но Толстой желаетъ до всего дойти самъ. Нужды нѣть,
если при этомъ приходится открывать америки и изобрѣтать
порохъ. Амфитеатровъ разсказываетъ въ своей статьѣ о
Толстомъ, какъ нашъ великий писатель прочелъ какъ-то
свою статью о деньгахъ проф. Чупрову и проф. Янжулу, и
крайне былъ удивленъ, когда узналь, что его статья блестя-
щѣ выражаетъ по данному вопросу давно устарѣвшія воззрѣнія
физіократовъ. Не удивительно, если и въ изученіи и толкованіи
евангелія Толстой не разъ открывалъ америку, а часто и ошиб-
ался. Толстой оправляется отъ канонического текста четвер-
таго пятаго вѣковъ, когда христіанство шло уже на бусирѣ у
римскихъ императоровъ и подпадало вліянію римскаго закона,
съ которымъ его сблизиль Павелъ. Но крѣпко держась за
евангельскій авторитетъ, Толстой не стѣсняется съ текстомъ.
Его методъ *возстановленія* подлиннаго текста въ высшей
степени оригиналенъ и простъ. Толстой создаетъ свое еван-
геліе не по авторитету откровенія, въ которое онъ не вѣ-
ритъ, а по сходству съ идеями добра у лучшихъ людей
мира — Моисея, Конфуція, Будды, Сократа, Паскаля, Спинозы,
Фейербаха, Лаотси, Марка Аврелия и др. Его толкованіе со-
вершенно свободно отъ гностицизма и мистицизма. Догмати-
ческие и мистические элементы отпадаютъ у него, какъ на-
росты, только вредящіе здоровому корню. Не будь ихъ, ду-
маетъ Толстой, и даже не будь Христа, то тѣ, которые тѣ-
перь считаютъ себя христіанами, были бы, можетъ быть, безъ
Христа лучшими христіанами. Итакъ Христа, какъ богоче-
ловѣка, Толстой не признаетъ, его евангеліе богооткровен-
нымъ не считаетъ. Но евангельскій текстъ, очищенный отъ
всего, что не согласно съ разумомъ, онъ считаетъ нужнымъ
привлечь для авторитетности своего ученія и своего толко-
ванія истинной религіи. Въ этомъ нельзѧ не замѣтить противо-
рѣчія. Догму и откровеніе Толстой отрицаєтъ, а текстъ цѣнитъ,
какъ незыблемый авторитетъ. Но при всемъ своемъ диллетан-
тизмѣ Толстой совершилъ все же громадный и цѣнныи трудъ.
Многія ошибки, подлоги, намѣренныя искаженія въ евангеліи

ему удалось выяснить¹⁾. Для русского обывателя, совершенно незнакомого съ исторіей и критикой текста, съ рационалистическими религіозными толкованіями западныхъ церквей и евангелическихъ ученій,—все это можетъ показаться новымъ и пролить неожиданный и совершенно новый свѣтъ на многие вопросы религіозной и церковной жизни. Нѣкоторыя догадки Толстого и указанія даже прямо проникновенны. Но утверждать, какъ дѣлаетъ это Минскій, что Толстой—Лютерь русской жизни,—совершенно невозможно: время не то. Для роли Лутера нужно было родиться, по крайней мѣрѣ, на триста лѣтъ раньше.

Къ тому-же евангелическія воззрѣнія шли въ русскій народъ и непосредственно съ запада, гдѣ уже въ народныхъ движенияхъ IX вѣка въ Арmenіи, позже въ ученіи Виклефа и анабаптистовъ можно найти основныя черты евангелическихъ воззрѣній Толстого. У насъ уже въ XVI вѣкѣ было сильно социціанство. Рационалистические секты стали быстро распространяться въ народѣ въ XIX вѣкѣ, несмотря на жестокія преслѣдованія со стороны духовенства и администраціи. Русскій штундизмъ опередилъ Толстого. Самъ Л. Н. Толстой указываетъ, что на его воззрѣнія имѣли громадное влияніе два знаменитыхъ сектанта Сютаевъ и Бондыревъ.

Свои религіозныя воззрѣнія Л. Н. Толстой изложилъ въ массѣ солидныхъ трудовъ и брошюръ. Изъ нихъ болѣе важныя: „Исповѣдь“ (1882), „Въ чемъ моя вѣра“ (1884), „Такъ чтѣ-же намъ дѣлать“ (1886), „Царство Божіе внутри насъ, или Христіанство, не какъ мистическое ученіе, а какъ новое пониманіе жизни“ (1900), „Христіанское ученіе“ (1902), краткій, но обстоятельный катехизисъ Толстого,—„Жизнь и учение Христа“, „Мой отвѣтъ Синоду“, „Что такое религія“, „О жизни“ и проч.

Если подвести вкратцѣ итогъ религіозно - философскимъ взглядамъ Толстого, то нельзя не констатировать, что они далеко отошли не только отъ взглядовъ синодального православія, но почти ничего общаго не имѣютъ и съ тѣмъ подлиннымъ православіемъ, какъ оно слагалось въ первые вѣка христіанства и закрѣплено вселенскими соборами. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать за Синодомъ права указывать на полную непринадлежность Толстого къ руководимой Синодомъ церкви. Весь трагизмъ синодского отлученія—въ томъ, что, его при строгой послѣдовательности, пришлось бы примѣнить ко всей русской интеллигенціи и всѣмъ, почти безъ исключения, русскимъ писателямъ. начиная съ Пушкина, Бѣлинскаго, Тургенева и т. д.

¹⁾ Что этихъ намѣренныхъ искаженій масса—достаточно судить хотябы только по сличенію церковно-славянского текста евангелія съ русскимъ переводомъ. Такое слово какъ *дондеже* съ совершенно точнымъ смысломъ всюду переводится правильно: *пока не*, а въ текстѣ: *Марія не зна Госифа дондеже и т. д.* это слово переведено: *какъ вдругъ*.

II.

Въ главныхъ чертахъ воззрѣнія Толстого сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ. *Богъ*—это существо вѣчное, живущее внутри наась, требующее отъ наась справедливости. Богъ—жизнь. Богъ—любовь или же идеаль, носимый человѣкомъ въ самомъ себѣ. Онъ—мировое желаніе блага, являющагося источникомъ всей жизни. Богъ есть та сущность жизни, которую человѣкъ познаетъ въ себѣ и во всемъ мірѣ, какъ желаніе блага.

Такое пониманіе Бога чуждо антропоморфизма и, не противуполагая Бога Миру, явно носитъ въ себѣ черты пантенистического мировоззрѣнія.

Христа Толстой считаетъ человѣкомъ; его ученіе житейская мудрость, но не откровеніе.

По вопросу о бессмертіи души Толстой нѣсколько колеблется и двоится въ своихъ сужденіяхъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ онъ признаетъ личное бессмертіе, въ другихъ онъ высказывается за бессмертіе человѣчества. „Большой достовѣрностью, чѣмъ индивидуальное бессмертіе, отличается идея сліянія нашей жизни съ жизнью всего человѣчества, всей вселенной“¹⁾). Такимъ пониманіемъ бессмертія Толстой считаетъ возможнымъ придать болѣе глубокое значеніе жизни земной; а вѣдь все ученіе Толстого имѣть въ виду Царство Божіе на землѣ. Съ этой точки зрѣнія вѣра въ загробную жизнь, по мнѣнію Толстого, можетъ быть только препятствиемъ и тормазомъ для устроенія земной жизни на началахъ правды и добра.

Всѣ главныя положенія православной доктрины Толстой отрицааетъ. Онъ не признаетъ чудесъ, догматовъ, заступничество святыхъ, церковной іерархіи, священниковъ, какъ посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ. Разъ Богъ—есть живое начало добра, присущее нашей душѣ, какое же посредничество можетъ быть допущено человѣкомъ въ отношеніи къ самому себѣ, къ своей собственной душѣ. Между Богомъ и человѣкомъ третьему нѣтъ мѣста. Отрицааетъ Толстой также молитвы, жертвоприношенія, фимиамы, ибо служеніе Богу дѣйствительно только въ видѣ служенія Добру, Любви, Справедливости.

Рационалистический характеръ приводимыхъ нами воззрѣній не подлежитъ никакому спору.

Изъ этихъ религіозно-философскихъ взглядовъ вытекаютъ этическія правила Толстого—его заповѣди:

¹⁾ Эту цитату приводить Кропоткинъ со ссылкой на сочиненіе „Въ чёмъ моя вѣра“. Но въ этомъ сочиненіи мы не нашли цитируемыхъ мѣстъ и, вероятно, Толстой исключилъ ихъ впослѣдствии.

- 1) Любовь, единение, согласие.
- 2) Непротивление злу.
- 3) Не гневаться.
- 4) Не клясться (и не присягать).
- 5) Оставаться вे́рнымъ одной женщине́.
- 6) Не судить никого.
- 7) Любить враговъ.

Если бы Толстой опубликовалъ свои религиозные воззрѣнія послѣ закона 1905 года о вѣротерпимости, то Синоду не было бы никакой необходимости и даже права отлучать Толстого отъ православной церкви. Онъ просто считался бы вышедшимъ изъ нея и могъ бы примкнуть къ штундѣ, или къ евангелическимъ реформатамъ, церкви которыхъ не возбранно высится на видномъ мѣстѣ Невскаго и другихъ улицъ столицы.¹⁾

Въ связи съ философско-догматическими взглядами Толстого привлекаютъ вниманіе обывателя и даже больше занимаютъ его толстовскія правила практической жизни, которымъ однако не слѣдуетъ придавать существенного значенія. Несомнѣнно, Толстой является сторонникомъ ригористическихъ и даже аскетическихъ взглядовъ. Онъ выступаетъ противъ употребленія вина, табаку, противъ изнѣживающей человѣка роскоши. Онъ высказался противъ плотской жизни. Но вскорѣ смягчилъ свои взгляды по этому вопросу и призналъ свои требованія идеаломъ, къ которому только необходимо стремиться по мѣрѣ силъ. Самъ Толстой имѣлъ сына черезъ 1½ года послѣ написанія „Крецеровой Сонаты“ (чит. Андреевичъ, Толстой). Также ограничилъ онъ и толкованіе идеи непротивленія злу. Сначала идея непротивленія была близка старинной идеѣ смиренія; Толстой вносить въ эту формулу поправку—непротивленіе злу злому (т. е. насилиемъ). И дѣйствительно, самъ Толстой противится злу всѣми доступными ему средствами: словомъ, печатью, воздержаніемъ отъ всякаго участія въ насилиі. Вся его литературная дѣятельность послѣднихъ двадцати лѣтъ—сплошной протестъ противъ всѣхъ формъ насилия и зла. Видя вокругъ злодѣянія, Толстой разражается гнѣвнымъ: „не могу молчать!“ Вся бѣда только въ томъ, что Толстой стоитъ на точкѣ зрѣнія абсолютнаго Добра, абсолютной Истины и съ этой высоты одинаково осуждаетъ и большое и малое. У него полное отсутствіе перспективы, полное отсутствіе критеріевъ—историческихъ, бытовыхъ, соціологическихъ, психологическихъ. Для Толстого лично одинаковый грѣхъ въ томъ, что онъ былъ тщеславенъ и владѣлъ рабами, въ томъ, что обнаруживалъ гордость и любострастіе и убивалъ людей. (Хотя это послѣднее преступленіе чистый поклепъ

¹⁾ Въ настоящее время такие молитвенные дома евангелистовъ существуютъ и въ провинції, напр. въ Кіевѣ. Недавно возникла такая же Толстовского типа община и въ Петербургѣ. Ея исповѣданіе вѣры обстоятельно изложено въ журналѣ „Христіанъ“ № 5.

Толстого на самого себя; это скорѣе теоретическое бичеваніе себя за соучастіе въ военныхъ дѣйствіяхъ). Съ высоты абсолютнаго совершенства Толстой осуждаетъ всѣ устои культуры, цивилизациі. Съ высоты Абсолюта нѣтъ большого или малого: смертная казнь, открытый грабежъ, карательная экспедиція, терроръ и судъ присяжныхъ—одинаковыя проявленія насилия и подлежать осужденію. Толстой самъ вступаетъ здѣсь съ самимъ собой въ теоретическое противорѣчіе. Разъ онъ призналъ свои взгляды идеаломъ, къ которому только необходимо всегда стремиться и по возможности приблизяться,—то тѣмъ самымъ онъ призналъ и относительность добра и зла и, слѣдовательно, необходимость постепенности и въ утвержденіи и отрицаніи,—онъ долженъ былъ бы признать принципъ предпочтенія меньшаго зла большему и не отрицалъ бы возможнаго въ данныхъ условіяхъ добра во имя абсолютнаго. Разъ онъ призналъ, что всякое государство—организованное насилие, но конституціонная государства все-же пользуются болѣе мягкими формами насилия, онъ долженъ быть бы признать за нами и право предпочтенія этихъ болѣе мягкихъ формъ государственности старымъ впредь до установленія еще болѣе совершенныхъ и, наконецъ, полнаго приближенія къ идеалу. ¹⁾ Но Толстой не хочетъ знать степеней зла и, взираясь на высоту абсолютнаго добра, возвращается къ старой излюбленной своей теоріи самоусовершенствованія, твердо вѣря, что стоитъ только всѣмъ людямъ понять, въ чёмъ правда, что-бы зло было низвержено абсолютно и полностью. Конечно, съ высоты абсолютнаго Добра и абсолютной Свободы—единственнымъ допустимымъ строемъ жизни можетъ быть только евангелическій *анархизмъ*.

Къ нему неизбѣжно и долженъ быть прійти Толстой, давно проникшійся анархическими настроеніями еще подъ вліяніемъ и произведеній Руссо, а потомъ Прудона и другихъ. Но свой анархизмъ Толстой сочеталъ съ евангелическимъ пониманіемъ религіи и цѣльнымъ рядомъ аристократическихъ привычекъ и навыковъ, отъ которыхъ онъ не въ силахъ быть отказаться, несмотря на могучую борьбу разума и сердца противъ всякихъ предразсудковъ, всякой предвзятости.

Л. Н. Толстой понялъ, что жизнь, организованная на эксплуатациі бѣдныхъ богатыми, несправедлива. Его заповѣди запрещали ему жить на счетъ другого. Онъ понялъ, что земля должна принадлежать тому, кто обрабатываетъ ее, онъ вознавидѣлъ всѣми силами души современную организацію капиталистического хозяйства, которое, по его мнѣнію, хуже прежняго рабства. Но выводы, которые онъ сдѣлалъ отсюда, были односторонни и несправедливы. Признавъ принципъ

¹⁾ И можно указать нѣсколько статей Л. Н. Толстого, гдѣ онъ выскаживается и за еще болѣе умѣренныя реформы. Такъ напр. въ одной изъ своихъ статей 80-хъ годовъ онъ скромно выражаетъ пожеланія, чтобы уничтожены были земские начальники.

упрощенія жизни и физическій трудъ, какъ нравственную основу жизни. Толстой не съ одинаковой силой обрушился на формы эксплуатации—городскую (въ видѣ фабричной промышленности), и сельскую (въ видѣ владѣнія обширными помѣстьями и натурального хозяйства). Въ отношеніи этой послѣдней онъ вспомнилъ свое ученіе о посильномъ приближеніи къ Идеалу. Онъ не порвалъ окончательно съ средой эксплуатирующихъ (мы его конечно и не винимъ за это). По справедливому замѣчанію Кнута Гамсона, посѣтившаго Ясную Поляну, Толстой построилъ свою крестьянскую избу въ барскихъ хоромахъ...

Онъ сталъ заниматься физическимъ трудомъ, онъ лично отказался отъ собственности въ пользу любящей его семьи, онъ свелъ свои личныя потребности до minimumа и, следовательно, призналъ для сельской жизни тактику посильнаго приближенія къ идеалу. На привычныя недостатки и темныя стороны деревенскаго строя жизни онъ охотно закрылъ глаза. Но въ отношеніи къ городу, къ государству, къ капитализму онъ оказался абсолютно строгъ и неумолимъ. Тутъ онъ примѣнилъ всю полноту абсолютной мѣры. Тутъ онъ невольно поддался старой барской психологіи, не хотѣвшей знать ничего за предѣлами деревни: ни фабрикъ, ни рабочихъ, ни купцовъ, ни чиновниковъ, ни парламентаризма, ни новыхъ хозяйственныхъ формъ жизни, явившихся на смену натуральному хозяйству.

Анархизмъ Толстого получилъ своеобразную евангелическо-аристократическую окраску, онъ оказался *нессвободенъ отъ классовой психологіи*. Толстой отвергъ то, что выходило за предѣлы его привычного поля зреіня,—что выходило за предѣлы родного поля и остался не чуждъ старымъ привычкамъ и взглядамъ, таившимся въ подсознательныхъ сферахъ душевной жизни человѣка.

Теперь намъ понятны всѣ основныя положенія и психологические источники его анархической системы.

Правительство Толстой отрицаєтъ; оно является для него организацией господства, союзомъ имущихъ для утвержденія своей власти не на основе права, а путемъ стройной системы насилия. „Можетъ быть государство когда нибудь и было полезно, но теперь, съ течениемъ времени, оно стало излишнимъ, вслѣдствіе смягченія нравовъ“. Поэтому не желательно никакое правительство, даже конституціонное. Все равно богатые сохраняютъ власть путемъ четырехъ способовъ поддержанія насилия: а) страха, б) подкупа, который распространяется на судей, чиновниковъ и другихъ лицъ, в) гипноза идей, поддерживаемаго школой, церковью, продажной прессой и цензурой и в) арміей. Особенно горячо возрастаетъ Толстой противъ всѣхъ формъ религіознаго обмана. Его правдивой душѣ противна всякая эксплуатация религіознаго чувства, въ которомъ вѣдь проявляются высшія потребности нашей души въ правдѣ и добрѣ. Религіозные обманщики и сознательные

потемнители велѣній совѣсти вызываютъ глубокое негодование Толстого. Физическое насилие онъ порицаетъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Войско, по его мнѣнію, существуетъ только противъ внутреннихъ враговъ. Никакія соображенія патріотического характера не кажутся ему искренними и убѣдительными. Самому патріотизму нѣтъ мѣста въ системѣ Толстого. Люди братья. Нѣсть Еллинъ, ни Іудей. Патріотизмъ противенъ закону любви къ близкимъ и къ врагамъ. Толстому, конечно, не можетъ быть неизвѣстно то обстоятельство, что въ современной жизни народовъ патріотизмъ часто служить узко-классовымъ интересамъ опредѣленной соціальной группы, что тамъ, где патріотизмъ не выгоденъ богатымъ, они забываютъ о немъ: французская аристократія конца XVIII вѣка призвала во францію иностранныя войска.

По отношенію къ собственности Толстой стоитъ на соціалистической точкѣ зрѣнія, признавая вслѣдъ за Джоржемъ, но съ нѣкоторыми поправками, націонализацию земли, каковая (націонализація) неизбѣжно сближается у него съ муниципализацией:—государственную организацію жизни онъ вѣдь отрицаетъ. Но яснаго представленія о будущихъ формахъ производства и хозяйственныхъ отношеній Толстой не имѣтъ. Онъ не признаетъ государственной (коллективной) организаціи труда, не признаетъ и капитализма съ его индивидуальнымъ хозяйствомъ и принципомъ конкуренціи и борьбы. Толстому кажется, что въ будущемъ вся жизнь до чрезвычайности упростится. Люди будутъ вести простую здоровую жизнь, въ основѣ которой будетъ лежать физическій трудъ. Современная роскошь и разныя блага культуры излишни. Къ чему всѣ эти телефоны, телеграфы, электричество, выставки, если $\frac{99}{100}$ людей должны отъ нихъ страдать. Возставая противъ излишествъ культуры и роскоши, Толстой высказывается и противъ науки и современного искусства. Люди науки кажутся Толстому шарлатанами, и онъ часто настoisится надъ ихъ надругой важностью и ученымъ невѣжествомъ: существеннаго то они не знаютъ—смысла жизни, а это самое важное, и для познанія смысла жизни не требуется огромной эрудиціи. Истина ясна для каждого, кто умѣеть читать евангеліе.

Но отрицая „научную науку“ и не признавая въ ней руководительницы жизни, Толстой, тѣмъ не менѣе, не отрицаетъ культуру, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ сельско-хозяйственному быту.

Здѣсь Толстой опять впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой: онъ желаетъ, чтобы техника и улучшенные способы веденія хозяйства устранили всякую необходимость эксплуатации человѣка и, въ то же время, не замѣчаетъ, что примѣненіе этикъ требованій въ отношеніи къ сельско-хозяйственной культурѣ предполагаетъ широкое и всестороннее развитие культуры вообще. Вѣдь для того, чтобы сдѣлать одинъ винтъ для хорошей сельско-хозяйственной машины необходимо развитіе жемѣннолѣтней промышленности, достигнутое об-

щимъ ростомъ культуры и техники за послѣднія двѣстія лѣтъ. Необходимы громадныя фабрики и заводы, техническіе институты, успѣхи физики и химіи, необходимы университеты съ ихъ научными лабораторіями и арміей ученыхъ. Необходимы тѣ же телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги—все то, что содѣйствуетъ живому обмѣну идей, тому кипѣнію работы, которое невозможно безъ широкаго мірового обмѣна идеями, товарами и всѣми продуктами культуры. А если бы отказаться отъ благъ культуры и всецѣло отдаться натуральному сельскому хозяйству, то на территорії современной Франціи могло бы прокормиться не болѣе 500.000 человѣкъ, вмѣсто 40.000.000.

Исходя изъ положенія, что человѣческая личность выше всего, выше государства, науки,—она то „чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ“,—Толстой отрицаєтъ современную фабричную промышленность, такъ губительно дѣйствующую на здоровье рабочихъ.

По мнѣнію Толстого рабочіе сами виноваты въ своемъ положеніи. Они покинули землю и отдались въ рабство организованному правительству насилию. И напрасно думаютъ они помочь себѣ, вступая на путь классовой и политической борьбы. Освобожденіе рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Нужно уничтожить правительство, отказавшись отъ всякаго ему содѣйствія.

Люди съумѣютъ устроиться безъ всякой власти, создадутъ себѣ полезныя для общежитія учрежденія. Если бы не было земельной собственности, люди не селились бы скученно въ одномъ мѣстѣ, они разселялись бы по всему миру и всѣмъ быхватило мѣста и земли. Нужно выйти изъ того круга насилия, которымъ охвачены всѣ слои населенія, благодаря правительственної организації. Съ большимъ воодушевленіемъ высказывается Толстой противъ всякихъ юридическихъ нормъ и въ особенности противъ суда.

Судъ вызываетъ въ Толстомъ особенно враждебныя чувства. Чиновникъ, да еще судейскій и въ старые годы былъ высоко антипатиченъ феодалу, какъ начало, ограничивающее его независимость. Толстой не чуждъ этихъ сословно-психологическихъ предубѣжденій противъ суда. Бирюковъ разсказываетъ намъ, какъ возмущенъ былъ Толстой, когда не въмѣру ретивый судебный слѣдователь обязалъ Толстого подписькой о невыѣздѣ по дѣлу о забоданіи крестьянина принадлежащимъ графу быкомъ.

Судебный слѣдователь, конечно, переусердствовалъ, но и возмущеніе графа Л. Н. Толстого не знало границъ: онъ собирался даже переселиться навсегда въ Англію.

Съ особенной суровостью, незнающей жалости, изображаетъ Толстой судейскаго человѣка въ лицѣ Ивана Ильича; полны сарказма сцены суда въ „Воскресеніи“, гдѣ не пощаженъ судъ присяжныхъ и изображенъ въ самомъ карикатурномъ видѣ. Судьи—чиновники, совершенно равнодушны къ судьбѣ подсудимыхъ; у каждого изъ нихъ въ головѣ свои мысли и .

заботы. Присяжные тоже неспособны разобраться въ преступной душѣ, да и какъ имъ разобраться, если среди нихъ именно и сидятъ дѣйствительные виновники преступлений.

Не судите, да не судимы будете,—вотъ евангельскій завѣтъ, которому должно слѣдовать по мнѣнію Толстого. Въ этомъ отношеніи анархизмъ Толстого идетъ дальше анархизма многихъ европейскихъ анархистовъ. Большинство изъ нихъ, даже Кропоткинъ, мириятся съ необходимостью насилия по отношению къ преступникамъ. Пусть они будутъ заключаемы не въ тюрьмы, а въ особья лечебницы,—суть дѣла отъ этого не измѣнится: все равно ихъ будутъ запирать, держать подъ надзоромъ, подчинять особому режиму посредствомъ мѣръ принужденія и насилия.

Толстой, исходя изъ абсолютнаго неосужденія, не признаетъ, очевидно, и мѣръ противъ преступниковъ; исчезаетъ самое название преступника... Но не исчезнутъ, конечно, преступленія...

III.

Какія же мѣры рекомендуетъ Толстой для осуществленія своей программы?—Всѣ, вытекающія изъ программы, непротивлѣнія злу. „Христіанское ученіе, пишетъ Толстой, — не предписываетъ людямъ никакихъ законовъ; оно не говорить людямъ: слѣдуйте всѣ подъ страхомъ наказанія такимъ и такимъ-то правиламъ, и вы всѣ будете счастливы, а объясняетъ каждому отдельному человѣку его положеніе въ мірѣ и показываетъ ему то, что для него лично неизбѣжно вытекаетъ изъ его положенія. Христіанское ученіе говорить человѣку, каждому человѣку, что жизнь его, если онъ признаетъ свою жизнь своею и цѣлью ея—мірское благо своей личности или личностей другихъ людей, не можетъ имѣть никакого разумнаго смысла... Разумный смыслъ жизни получаетъ только тогда, когда человѣкъ понимаетъ, что призваніе своей жизни своею, и цѣлью ея—мірское благо личности, своей или другихъ людей, есть заблужденіе, а что жизнь человѣка принадлежитъ не ему, получившему жизнь отъ кого-то, а тому, кто произвелъ эту жизнь, а потому и цѣль ея должна состоять не въ достижениіи блага своего или другихъ людей, а только въ исполненіи воли Того, Кто произвелъ ее... Человѣкъ христіанского пониманія не только знаетъ то, какъ ему надо поступать въ жизни, но знаетъ и то, что ему надо дѣлать. Ему надо дѣлать то, что содѣйствуетъ установленію царства Божія на земли”... то есть служить всегда и во всемъ добру. Поэтому то истинный христіанинъ не убьетъ даже разбойника, собирающагося умертвить неповиннаго младенца: „вѣдь убивая разбойника, онъ убиваетъ навѣрное, а не знаетъ еще навѣрное до послѣдней минуты, убилъ-ли бы

разбойникъ ребенка, или нѣтъ, не говоря уже объ этой неправильности, кто рѣшилъ, что жизнь ребенка нужнѣе, лучше жизни разбойника“.

„... Христіанинъ... какой бы страшный разбойникъ ни нападалъ на какого бы то ни было невиннаго и прекраснаго ребенка, онъ еще менѣе имѣеть основанія, отступивъ отъ даннаго ему Богомъ закона, дѣлать надъ разбойникомъ то, что разбойникъ хочетъ сдѣлать надъ ребенкомъ“.

Исходя изъ этихъ абсолютныхъ положеній, Толстой долженъ былъ прійти къ логическому выводу о полномъ отказѣ во всякомъ содѣйствіи правительству. Толстой выступаетъ сторонникомъ пассивнаго сопротивленія государству во всѣхъ сферахъ проявленія его дѣятельности. Пассивное сопротивление—единственная, нравственная, то есть христіанская мѣра; оно единственно возможное средство въ борьбѣ съ современнымъ правительствомъ, вооруженнымъ для борьбы со своими подданными всѣмъ могуществомъ современной техники и болгатствомъ средствъ: однихъ оно обманетъ, другихъ запугаетъ, третьихъ уничтожитъ, четвертымъ представить дѣло съ помощью продажныхъ людей, школы, церкви, прессы. въ ложномъ свѣтѣ и вооружить ихъ противъ открыто дѣйствующихъ борцовъ за свободу. По мнѣнию Толстого, открытая революція не можетъ въ наше время имѣть успѣха.

У правительства слишкомъ хорошо обдуманная организація. И войско, и поліція подготовлены опытомъ многихъ поколѣній и специальнымъ обученіемъ для удачной борьбы съ уличнымъ движениемъ и революціонерами. Террористические же акты, помимо того, что Толстой конечно отрицаетъ ихъ по существу—безцѣльны по результатамъ. Они направлены не противъ системы, а противъ отдѣльныхъ лицъ, которые вѣдь всегда замѣнимы.

Отсюда выводъ—пассивное сопротивленіе государству: „ни добровольно, ни по принужденію не слѣдуетъ принимать участія въ государственной дѣятельности и потому не надо быть ни солдатомъ, ни фельдмаршаломъ, ни министромъ, ни сборщикомъ податей, ни старостой общины, ни присяжнымъ засѣдателемъ, ни губернаторомъ, ни членомъ парламента и вообще не брать никакой должности, связанной съ насилиемъ...“

Человѣкъ не долженъ давать правительству налоговъ ни косвенныхъ, ни прямыхъ, а также не долженъ пользоваться деньгами, собранными при помощи податей, какъ то въ видѣ пенсій, эмеритуры, наградъ и т. п. принудительно съ народа... Человѣкъ, желающій работать не ради своего личнаго блага, но для улучшенія народнаго быта, не долженъ прибѣгать къ правительственныймъ насилиямъ для защиты земли и другихъ предметовъ ни ради личной безопасности, ни своихъ близкихъ. Владѣть землей и предметами своего и чужого труда каждый имѣеть право по стольку, по скольку другое не питаютъ на нихъ претензіи“.

Духовная дѣятельность, по глубокому убѣждению Толстого,

есть величайшая могущественнѣйшая сила. Она движетъ міромъ¹⁾). Правительство понимаетъ это и не боится физического насилия, но чувствуетъ себя безсильнымъ противъ разумнаго убѣжденія. „Одинъ только отказъ отъ податей или воинской повинности на основаніи того закона религіознаго и нравственнаго, котораго не могутъ не признавать правительства, въ тысячу разъ сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ самыя продолжительныя стачки, чѣмъ миллионы соціалистическихъ брошюръ, чѣмъ самые успѣшно организованные бунты или политическія убийства“.

Этой цитатой Толстой отрицаєтъ все соціалистическое движение съ его могучимъ общественнымъ рычагомъ—стачкой, отрицаєтъ и революционеровъ; отрицаєтъ онъ въ брошюрѣ „къ политическимъ дѣятелямъ“ и все либеральное и освободительное движение 1905—07 годовъ.

Пассивное сопротивление даетъ свои прекрасные плоды, какъ только люди поймутъ въ чемъ зло, „одумаются“, устыдятся и откажутся ити по пути зла.

Стоитъ только всѣмъ понять, въ чемъ зло, а отрѣшиваться отъ него вовсе не трудно...

Пассивное сопротивление Толстого вполнѣ единоличный актъ для каждого, кто „одумался“. Оно не имѣть ничего общаго напр. съ той всеобщей забастовкой, которая привела къ манифесту 17-го Октября, и была организована не безъ доли извѣстнаго принужденія.

Вѣря въ силу мысли, Толстой не признаетъ никакихъ объективныхъ законовъ экономической эволюціи. Для него смѣна хозяйственныхъ формъ быта—фактъ не существующій и во всякомъ случаѣ чуждый объективной необходимости. Стоитъ рабочимъ отказаться работать на фабрикахъ и заводахъ, и капитализмъ погибъ. Нужно только понять и захотѣть.

Такова система взглядовъ Л. Н. Толстого по вопросамъ политики и соціального устройства. Она стройна и послѣдовательна, пока остается въ области абсолюта. Но практические пути для осуществленія намѣченного идеала совершенно не опредѣлены Толстымъ. Созданный Толстымъ міръ есть міръ абсолютной свободы и добра. Это по истинѣ царство не отъ мира сего. Мы люди жизни, дѣти возможнаго можемъ только приподнять завѣсу и заглянуть въ царство идеала, подобно узникамъ, глядящимъ въ дверную щелку на солнечный свѣтъ. Но жить въ этомъ мірѣ мы не въ силахъ, и долоіть безконечно трудный путь въ этотъ міръ. Прямая линія—самая кратчайшая дорога только въ геометріи. Но пути, ведущіе на вершину жизненной горы, идутъ зигзагами и длинными обходами и уклонами. Несмотря на кажущуюся простоту рекомендуемыхъ Толстымъ средствъ пассивнаго сопротивленія, въ дѣй-

¹⁾ О революціи. В. Чертковъ и предисловіе Л. Н. Толстого, стр. VIII. 1904 г.

гвительности эти средства наиболѣе трудныя и самыя бесплодныя и, въ тоже время, требуютъ огромнаго мужества и самопожертвованія.

Отказаться платить налоги—значитъ раззориться,—потому что за неплатежъ пойдетъ съ молотка ваше имущество.

Не платить косвенныхъ налоговъ—это значить отказаться отъ сахара, питательного продукта, отказаться отъ заграничнаго сукна и тысячи нужныхъ предметовъ, обложенныхъ пошлинами.

А почтовыя марки для писемъ тоже должны быть изгнаны изъ употребленія, какъ дающія доходъ казнѣ?

А отказъ отъ службы въ рядахъ бюрократіи и арміи (ни солдатомъ, ни фельдмаршаломъ, ни министромъ, ни сборщикомъ податей!) развѣ не приведетъ къ тому, что худшіе элементы, слабосильные и лѣнивые, станутъ у власти, не опасаясь ни съ чьей стороны конкуренціи.

А отказъ отъ службы въ арміи развѣ не приводилъ уже немногочисленныхъ поклонниковъ Толстого въ ужасное положеніе преслѣдуемыхъ, мучимыхъ жертвъ. Сколько разъ обѣ этомъ писалъ самъ Толстой.

А отказъ отъ привилегіи положенія и капиталовъ развѣ не поставилъ бы самого Толстого въ тяжелое положеніе жалкаго поденщика, которому были бы почти совсѣмъ недоступны радости духовной жизни и дальнѣйшее умственное развитіе. Хорошо Толстому построить свою избу въ роскошныхъ барскихъ хоромахъ; ну, а если бы ей пришлось стоять подъ открытымъ небомъ съ разрушенной крышей, съ которой солома ушла на поддержаніе голоднаго скота,—что осталось бы отъ тѣхъ культурныхъ привычекъ, безъ которыхъ невозможна разумная жизнь для современнаго человѣка. Были эпохи, когда даже рабство являлось необходимостью. Что бы создали безъ рабства греки эпохи Софокла, Платона, Аристотеля?!

Такимъ образомъ ученіе Толстого не можетъ быть реализовано въ жизни. Оно осуществляется медленной работой сотенъ поколѣній по линіи *приближенія* къ идеалу, а разъ допущенъ принципъ *приближенія*,—мы стоимъ на правильномъ пути предпочтенія меньшаго зла большему и пользованія возможнымъ добромъ, пока недостижимо абсолютное добро.

IV.

Идеалъ анархизма, полной свободы высоко симпатиченъ каждому человѣку. Ни отъ кого не зависить никому не принадлежать, — „вотъ счастье, вотъ права“, восклицалъ еще Пушкинъ въ стихотвореніи „Изъ Пиндемонте“.

Но человѣкъ—животное общественное; онъ нуждается въ обществѣ себѣ подобныхъ—и въ интересахъ безопасности, и для наслѣдованія материальнаго и духовнаго опыта предше-

ствующихъ поколѣній, и въ цѣляхъ раздѣленія труда и во устраниеніе страха одиночества.

Но гдѣ общество, тамъ и неизбѣжное стѣсненіе свободы личности въ пунктахъ столкновенія съ чужой волей. Гдѣ общество, тамъ и извѣстныя нормы жизни,—требованія порядка. Даже при самомъ идеальномъ устройствѣ общежитія эти нормы жизни—требованія порядка—неизбѣжны. Всегда будутъ и извѣстныя общественные повинности, которыя придается можетъ быть распределить между всѣми, или сдѣлать обязательными, какъ въ наше время обязательна воинская повинность, но для исполненія которыхъ, при всей ожидаемой въ будущемъ сознательности гражданъ,—все же необходима будетъ и извѣстная доля принужденія,—насилия.

Никому не пріятно дежурить ночью въ больницѣ, или на паровозѣ желѣзнодорожного поѣзда, или на спасательной станціи, или жить на маякѣ; но это *необходимо*, и общество сумѣетъ принудить своихъ членовъ къ исполненію общественно-необходимыхъ, хотя бы и непріятныхъ и даже вредныхъ для здоровья, обязанностей.

И такъ, принужденіе,—„наспіле“ неизбѣжно даже при самомъ совершенномъ строѣ, даже при условіи паденія капитализма съ его безжалостной эксплуатацией труда. Тѣмъ больше, конечно, принужденій въ современномъ обществѣ, въ основѣ которого положенъ не добровольно установленный режимъ порядка и свободы, а организація господства немногихъ надъ многими. Но и эта организація господства неизбѣжно принуждена даже въ своихъ-же интересахъ къ организації порядка и установлениіи извѣстной доли свободы.

Между требованіями порядка и свободы устанавливается извѣстный компромиссъ, опредѣляемый опредѣленнымъ соотношеніемъ реальныхъ силъ. Наиболѣе правильный компромиссъ между требованіями порядка и потребностями свободы тотъ, который подсказывается хозяйственными формами быта. Когда условія порядка и свободы опредѣлены дѣйствительными удобствами сложившагося соціально-экономического уклада, наступаетъ наиболѣе желательный для общества компромиссъ между требованіями порядка и свободы,—иначе создается норма *добра* или общественной *правды*. Все то, что благопріятствуетъ веденію напр. натурального хозяйства, то и есть добро; что мѣшаетъ— зло.

Большая семья, руководимая старѣйшимъ въ родѣ,—носителемъ всего земледѣльческого опыта многихъ десятковъ лѣтъ, полезна для натурального хозяйства, и она является основой земледѣльческаго быта: на родномъ полѣ необходимы и мудрость старца, стоящаго во главѣ семьи, и легкая услуга восьмилѣтняго мальчугана, погоняющаго лошадь въ сохѣ. Но вотъ съ объективной необходимостью формы экономического быта начинаютъ мѣняться; земля не кормить, отливъ въ го-

родъ свободныхъ рукъ создаетъ мануфактуру и промышленность.

Младшіе члены семьи пробудились къ самостоятельности, индивидуальность развивается въ городѣ, гдѣ человѣкъ самъ себѣ голова,—и вотъ разлагается патріархальная семья, разлагается община, выростаютъ новыя условія порядка и новыя потребности свободы. Когда эти новыя взаимоотношенія свободы и порядка опредѣляются и устанавливаются, создастся новый жизненный компромиссъ между потребностями свободы и порядка,—явится новая правда, новое представлениe объ общественномъ добрѣ, а старая правда перестанетъ быть правдой, окажется тяжелымъ хомутомъ, мѣшающимъ свободному развитію общества.

Но раньше, чѣмъ сложится этотъ новый соціально-политический укладъ,—длится томительно долгая переходная эпоха. Старое вѣтшаетъ, стѣсняетъ, тяготитъ, а новое еще не оформленось, не отлилось въ новыя рамки. Въ эти переходныя эпохи всѣмъ тяжело: и тѣмъ, кто хотѣлъ бы сохранить завѣтныя нормы старины, и тѣмъ, кто ихъ уже не хочетъ.

Въ такія, именно, переходныя эпохи, люди совѣсти и мысли наиболѣе передового класса или передовые люди господствующаго класса ярко и сильно чувствуютъ неправду жизни. Общественныя и этическія противорѣчія встаютъ передъ вдумчивымъ и чуткимъ человѣкомъ во всей своей неприглядной наготѣ. Такъ дольше жить нельзя, думаютъ онѣ, такъ жить никто не хочетъ. И вотъ, пока не вырисуется впереди берегъ, пока не обозначатся линіи и контуры нового уклада жизни въ соотвѣтствіи съ ростомъ новыхъ соціальныхъ элементовъ (напр. буржуазіи, рабочаго класса), для людей, недовольныхъ условіями жизни, намѣчаются два выхода: старое поколѣніе говорить: назадъ къ старымъ устоямъ жизни, къ завѣтамъ дѣдовъ и отцовъ. И оно готово отстаивать гибнувшее прошлое всѣми дозволенными и недозволенными средствами. Во имя старины слагаются гекатомбы человѣческихъ жертвъ.

Рядомъ съ сторонниками старины являются люди чуткой совѣсти и чести, которыхъ неправды жизни терзаютъ, въ психологіи которыхъ еще много сложившихся въ прошломъ настроеній и предразсудковъ, но которые, при всемъ томъ, не могутъ мириться со стариною. Не видя еще новыхъ общественныхъ и соціальныхъ напластованій, не замѣчая всходовъ молодой соціальной жизни, они лишены творческаго воображенія, чтобы по намекамъ нового воспроизвести полную картину предстоящихъ соціальныхъ новообразованій. Но не видя выхода и въ возвратѣ къ старины, они находятъ исходъ въ полномъ разрывѣ съ культурой и цѣпями общественного порядка. Долой всякое общежитіе, всякий порядокъ, всякое стѣсненіе человѣческой личности, когда она совершается во имя сомнительныхъ благъ государственной жизни! Цивилизациѣ только развратила человѣка, сдѣлала его несчастнымъ, создала богатство и нищету, возбудила въ человѣкѣ всѣ

дурные инстинкты. Только въ простотѣ первобытной жизни, въ труде на лонѣ природы—истинное счастье и дѣйствительные условия для добродѣтельной жизни.

Уже въ буколической поэзіи, въ эпоху гибели Греціи и Рима, чувствуются эти враждебныя культурѣ настроенія.

Когда въ XVIII вѣкѣ Ж. Ж. Руссо громилъ культуру и государственность, онъ не подозрѣвалъ, что на развалинахъ феодально-клерикального строя, уже назрѣвало торжество буржуазіи и капитализма, и звалъ на лоно природы, искренне вѣря, что на его призывъ отклинутся народы.

Л. Н. Толстой тоже зоветъ на лоно природы, къ упрощеннымъ формамъ быта, во имя правды и добра, и не подозрѣваетъ, что и его проповѣдь только знаменуетъ назрѣвающій кризисъ капитализма и грядущее, хотя бы и не скоро, торжество новыхъ соціальныхъ формъ быта. Творчество жизни не прекратилось. Изобрѣтательность человѣка не уперлась въ стѣны тупика. Соціально-политическое строительство само собою прійдетъ къ замѣнѣ отживающихъ формъ быта другими лучшими.

Въ самомъ капиталистическомъ строѣ кроются уже его отрицанія и самъ онъ, и только онъ, организуетъ силы, которыя его замѣнятъ новыми общественными комбинаціями. Коллективизмъ можетъ быть только порожденіемъ капитализма. Вотъ почему капитализмъ и неизбѣженъ въ жизни общества, являясь факторомъ прогрессивнымъ и открывая впереди освободительныя перспективы. Отъ него нѣть возврата назадъ, но дорога къ лучшему и болѣе свободному будущему только черезъ него и впереди его. Онъ есть неизбѣжное зло, но онъ и условіе лучшаго, источникъ добра. Л. Н. Толстой не знаетъ законовъ или не имѣеть никакой вѣры въ законы экономической эволюціи, въ смѣну хозяйственныхъ формъ быта, совершающуюся съ объективной необходимостью и думаетъ повернуть назадъ колесо исторіи, хочетъ разрубить гордіевъ узелъ запутанныхъ соціальныхъ отношеній полнымъ отказомъ отъ цивилизациі и отъ ея тяжкихъ процессовъ развитія — путемъ возврата къ упрощеннымъ формамъ быта и полнаго отказа отъ всѣхъ формъ насилия. Во имя абсолютной свободы и любви онъ отказывается принять переходные фазы развитія въ исторіи человѣчества, хотя бы черезъ нихъ и приближалось общество къ идеалу абсолютной правды. Въ этомъ слабость ученія Л. Н. Толстого. У него нѣть практическихъ путей къ постепенному (и признанному имъ) приближенію къ идеалу. Онъ думаетъ, что достаточно твердить о добра и любви, что-бы люди усвоили эти идеалы во всей глубинѣ и широтѣ ихъ содержанія. Онъ забываетъ, что однихъ голыхъ утвержденій — Добро, Любовь — не достаточно для выясненія ихъ содержанія; что каждая эпоха вкладываетъ въ нихъ свой соціальный смыслъ; что, напримѣръ, левинская *правда* — которой онъ искренне вѣрилъ, была только правдой порядочнаго помѣщика средней руки.

V.

Если бы удалось перескочить вмѣстѣ съ Толстымъ въ область абсолютнаго добра, то его царство было бы недолго вѣчно. Обыкновенно анархисты указываютъ три положенія, на которыхъ покоятся ихъ доктрина.

Первое это, что законъ санкционируетъ только установившіяся отношенія. Но это утвержденіе не совсѣмъ вѣрно. Во первыхъ потому, что общество состоитъ изъ разныхъ группъ населенія, съ неодинаковымъ уровнемъ культуры и разными интересами. Прогрессивный подоходный налогъ безусловно непріятенъ богатымъ, но полезенъ обществу и массамъ. Санитарныя требованія могутъ казаться излишними невѣжественной массѣ, но онѣ крайне желательны и часто вводятся принудительно. Когда на стражѣ закона стоитъ представительное учрежденіе (земство, дума, парламентъ), то законъ соблюдается съ большой тщательностью. Законы являются организующей силой, завершающей и закрѣпляющей процессы жизни. Но,— возражаютъ анархисты,— всякий парламентъ, даже избранный на основѣ всеобщаго избирательного права, давитъ меньшинство сплоченнымъ большинствомъ.

Конечно, это крупный недостатокъ парламентаризма, и не единственный, но критика этихъ недостатковъ давно уже началась, и соціальные и политические реформаторы видятъ уже выходы. Возникаетъ вопросъ и выясняется возможность огражденія правъ и интересовъ меньшинства, путемъ пропорціональнаго представительства, роста автономій и самоуправлений, наконецъ, изданиемъ законовъ и для большинства, и для меньшинства,—въ тѣхъ случаяхъ, где это совмѣстимо. Конечно, и всеобщее избирательное право вовсе не гарантія справедливости при господствѣ денежнаго хозяйства. Примѣры Франціи и Америки показываютъ, что пока есть капиталы, тресты и блоки,—богатые люди имѣютъ массу преимуществъ, что-бы создать желательное для себя большинство.

Пока царить капитализмъ и существуетъ купля-продажа, можно покупать и голоса, продавать большинство и меньшинство. Выходъ не въ отказѣ отъ парламентаризма, и не въ преждевременномъ отказѣ отъ капитализма, а въ преодолѣніи его болѣе сложными формами соціальной жизни, которыми была бы обеспечена личная независимость каждого человѣка.

Третье соображеніе, высказываемое анархистами противъ государства, сводится къ утвержденію, что законы излишни и могутъ быть съ успѣхомъ замѣнены договорами при высокомъ уровнѣ умственного и нравственнаго развитія гражданъ.

Этотъ высокій уровень долженъ быть, очевидно, одинаковъ для всѣхъ. Но какъ создать его? Куда дѣваться съ атавизмомъ, съ неравенствомъ способностей, съ различиемъ климатическихъ и другихъ условій развитія? Какъ быть съ прирожденными преступниками? Вѣдь ихъ порождаютъ не-

однѣ неблагопріятныя условія соціальной жизни; иное идетъ отъ наслѣдственности; властуютъ и инстинкты. Уничтоженіе законовъ и всякаго принужденія поставило бы цѣлый рядъ общественно полезныхъ предпріятій въ очень неустойчивое положеніе. Жѣлѣзныя дороги, почта, телеграфъ, водопроводъ, освѣщеніе—требуютъ неустанной, отчетливой и не укоснительной работы. Здѣсь пріостановки быть не можетъ, и всякая единоличная неисправность можетъ отразиться гибельно на цѣломъ. Здѣсь соглашеній поддерживаемыхъ силою одного общественнаго мнѣнія недостаточно. Необходимо и принужденіе.

Если-бы принципы анархизма получили жизненное выраженіе, то послѣдствіемъ былъ бы возвратъ къ первоначальнымъ формамъ феодального быта: болѣе сильный и нецеремонный подчинилъ бы себѣ болѣе робкихъ и слабыхъ. Своеволіе единицъ привело бы къ новой тирани. Культура бы рухнула, а съ упадкомъ техники и науки человѣчество вернулось бы къ первоначальному состоянію дикарей. Пассивное сопротивленіе оказалось бы такимъ-же бесплоднымъ, какъ и его антиподъ—терроръ. Христіанство съ своей проповѣдью морального усовершенствованія ничего не съумѣло сдѣлать за двѣ тысячи лѣтъ существованія. Да и что такое моральное усовершенствованіе? И нѣмецкій „юнкеръ“, и Константина Левинъ, и монахъ затворникъ думаютъ, что имъ вполнѣ ясны принципы морального усовершенствованія, а между тѣмъ они у всѣхъ трехъ—разные.

Плехановъ, резюмируя свои возраженія противъ анархизма, утверждаетъ, что основныя требованія анархистовъ неосуществимы, ихъ идеалъ—утопія, политика вредна въ своей основѣ, а ихъ планы и мечты привели бы именно къ тому, что они сами отрицаютъ.

Съ этой точки зрѣнія положеніе Л. Н. Толстого, какъ создателя евангелическаго анархизма, очень трагично. Религії онъ не создалъ; для этого необходимъ восторгъ вдохновенія и молитвы, необходимы мистицизмъ (*credo quia absurdum est!*) и жертвы. Но у Толстого слишкомъ ясный и трезвый умъ, чуждый поэзіи молитvenныхъ восторговъ. Самъ Толстой не принесъ жертвъ на алтарь своего ученія, не пострадалъ за него. Страданіе освящаетъ всякое религіозное ученіе. Быть можетъ, впрочемъ, Голгоѳой Толстого, по мѣткому замѣчанію Мережковскаго, и является то обстоятельство, что онъ никогда не зналъ Голгоѳы, не терпѣлъ страданій. И Толстой это чувствуетъ, и жаждетъ пострадать за свои убѣжденія. Не разъ онъ и обращался къ правительству съ требованіемъ, что-бы за его убѣжденія карали не его сторонниковъ, а его самого.

У Толстого весь міръ—поклонники, но послѣдователей его взглядовъ почти нѣть. Два три *дружинника*, за три Толстовскихъ кружка (земледѣльческія колоніи), *Богомольцы*—быстро распались—вотъ и все, что дала Толстовскому *Богомольцамъ*. Изъ писателей

Толстой имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Чехова, но и онъ очень скоро освободился отъ этого вліянія. Даже въ собственной семье Толстой одинокъ. Она любить его, но не раздѣляетъ его взглядовъ, а вѣдь кажется здѣсь, въ родной и нѣжно любимой и любящей семье, Толстой имѣть возможность невозбранно и неустанно проповѣдовывать свое ученіе. И любятъ Толстого; по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, тѣ, кого онъ не признаетъ. Онъ отвергъ русскую революцію, а ея элементы преклоняются передъ нимъ. Толстой проклинаетъ всю нашу либеральную интеллигенцію, а она благословляетъ его и благоговѣеть передъ нимъ; Толстой сурово осудилъ свою художественную дѣятельность, а мы восхищаемся ею. Толстой противъ рабочихъ организаций и классовой борьбы, но именно рабочие несутъ свои гроши на организацію Музея Имени Толстого. Есть что то отрадное въ томъ фактѣ, что общественное движение, отрицающее Толстымъ, тянется съ благоговѣніемъ къ великому проповѣднику: очевидно, обѣ стороны сближаютъ жизненную силу добра, присущая и тѣмъ и другимъ.

Насъ всѣхъ плѣняетъ и трогаетъ въ Толстомъ чуткая совѣсть, не знающая компромиссовъ, поражаетъ сила отрицательного анализа, глубокая и смѣлая критика неправдѣ жизни; насъ восхищаетъ неувядающая красота его души, вѣчно ищущей правды, глубоко негодующей противъ всякой житейской мерзости. Его языкъ честенъ и правдивъ, какъ и его творчество; его поступки благородны; его мысли—мысли джентельмена въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ Толстомъ восхищаетъ насъ это удивительно глубокое отвращеніе ко всѣму насилию, неправдѣ, эксплуатации.

Стоя почти обѣими ногами въ могилѣ, не перестаетъ онъ возмущаться всякимъ злодѣяніемъ, и его честный голосъ далеко разноситъ по цѣлому свѣту негодующія рѣчи: „не могу молчать!“

Толстой—сама терпимость, сама гуманность, сама любовь. Передъ его лицомъ склоняется безсильная вражда, немыслима национальная злоба, невозможна человѣконенавистничество. Это самый обаятельный и—хотя и самый одинокій, но и самый любимый человѣкъ нашего времени. День его 80-ти лѣтія былъ поистинѣ днемъ именинъ человѣчества, у котораго много именъ—и Софокль, и Шекспиръ, и Ньютонъ, и Марксъ и, самое молодое, но самое любимое имя—Левъ Николаевичъ Толстой. Старѣющее человѣчество любить Толстого, какъ пожилые родители—своего самого младшаго сына.

Для насъ, русскихъ, Толстой вдвойнѣ дорогъ и близокъ. Начиная съ Новикова, Радищева и Бѣлинского русская интеллигенція живетъ тѣми-же началами гуманности, человѣчности, которые составляютъ сущность ученія Толстого. Уже Бѣлинскій говорилъ въ своемъ письмѣ къ Гоголю, что Вольтеръ, ненавидѣвшій католическихъ поповъ и ненавидимый ими, погасилъ въ Европѣ костры инквизиціи и былъ въ гораздо большей степени христіаниномъ, чѣмъ все католическое духовенство. Эту точку

зрѣнія христіанства безъ доктрины и обрядовъ проповѣдовалъ и Толстой. И когда мы читаемъ Толстого, мы испытываемъ глубокое нравственное утѣшеніе. Пусть дорога къ Добру иная чѣмъ та, которую указываетъ яснополянскій мыслитель.— мы знаемъ, что великий идеалъ впереди насъ, и мы идемъ къ нему.

Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ,
И струится невинная кровь—
Вѣрь, настанетъ пора и погибнетъ Бааль
И вернется на землю любовь.
Не въ терновомъ вѣнкѣ не съ крестомъ на согбен-
ныхъ плечахъ

Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.

Мы вѣримъ, что не будетъ на свѣтѣ ни мечта, „ни без-
нныхъ могиль, ни позорныхъ столбовъ“, и что-какъ бы
падало низко человѣчество, оно никогда не утратить
въ добро.

„міръ не захлебнется въ крови“, и не потому что „уто-
безумной борьбой“,—прійдетъ къ началамъ добра и прав-
ды онъ шествуетъ къ нимъ путемъ разумной борьбы и со-
всего творчества.

А теперь, когда ночь вокругъ такъ безотрадно темна,
Толстой поддерживаетъ въ насть вѣру въ грядущее
царство Добра. Онъ только повторилъ Христа, но повторилъ
новыхъ близкихъ для насть формахъ современной живой
жизни, въ новыхъ близкихъ для насть образахъ. Надъ сѣдою
головою мастиаго старца горитъ лучъ безсмертія, словно
солнечный лучъ на бѣлоснѣжной вершинѣ горы. Въ долинѣ
ночи, клубятся туманы,—„слышно злое ворчанье“ совъ и
живимся кверху предразсвѣтные міазмы, а въ про-
сторы мы видимъ сверкающій алмазами тучъ и
знаемъ, что день настанетъ, солнце взойдетъ и сонитъ
тьму.

292.